История
Общество
Политика

2023

№2(26)

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 2(26)
2023

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2023. №2 (26)

Сетевое научное периодическое издание.
Точка доступа: http://www.clio-brgu.ru. Размещено на официальном сайте журнала: 30.06.2023

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов.**

Главный редактор: С.В. Артамошин - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: А.В. Федин – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского»,2023
© Коллектив авторов, 2023

HISTORY SOCIETY POLICY

N 2 (26)
2023

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2023. №2 (26)

Network scientific periodical.
AP: http://www.clio-brgu.ru. Placed on the official website of the journal: 30/06/2023

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

***Chairman of the Editorial Board**:* doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

***Editor in Chief:* S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, pofessor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. IG Petrovsky.

***Deputy Editor:* A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2023
© Authors, 2023

Содержание

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В XIX- XX вв.: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ»

(материалы Всероссийской научной конференции, 25 мая 2023 г., г. Брянск, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского)

Склярова Е.К., Полиховская О.А. Особенности социально-экономической политики в Ирландии в первой половине XIX века ***6***

Турыгин А.А. Пангерманский союз и критика немецкой социал-демократии ***15***

Прилуцкий В.В. «Угольные войны» в США и профсоюзы шахтеров (1890-1939 гг.) ***19***

Сагимбаев А.В. Концепции социальной модернизации колониальной периферии в британском политическом дискурсе межвоенного периода ***39***

Бортулев В.Е. Особенности взаимодействия Лейбористской партии и профсоюзов в период Всеобщей стачки в Великобритании в 1926 г. ***45***

Денисов С.И. Становление и эволюция законодательства о профсоюзах и рабочих организациях в Веймарской республике ***52***

Артамошин С.В. «Создавая немецкую народную общность»: идеология и социальная политика нацистской Германии в 1933-1939 гг. ***61***

Терехов О.Э., Терехова О. Н. Характерные черты и основные этапы социальной политики ФРГ в 1949-1990 гг. ***69***

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Гончаров Е.В., Гончарова Е.С. «Потерянные провинции». Эльзас и Лотарингия во французском общественном мнении ***80***

О сетевом издании «История. Общество. Политика» ***86***

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В XIX- XX вв.: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ» (материалы Всероссийской научной конференции, 25 мая 2023 г., г. Брянск, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского)

УДК 94

Е.К. Склярова, О.А. Полиховская

Особенности социально-экономической политики в Ирландии в первой половине XIX века

Аннотация: *В статье рассматриваются особенности социально-экономической политики в Ирландии в первой половине XIX века. Целью исследования является сравнительный анализ социально-экономических проблем в Соединённом Королевстве Великобритании и Ирландии в соответствующий период, а также анализ основных направлений и способов их решения в Ирландии. Актуальность исследования обусловлена научной и практической значимостью изучения различных моделей социально-экономической политики, особым статусом Ирландии и ирландского вопроса в Великобритании. Исследование основано на историко-генетическом и сравнительном методах исследования социально-экономической политики в Ирландии. Делается вывод, что в первой половине XIX века после вхождения Ирландии в состав Соединённого Королевства парламент проводит ряд социально-экономических реформ: по законам о бедных, муниципальную реформу, в сфере здравоохранения, которые легли в основу социальной политики Великобритании*

Ключевые слова: *Великобритания, Ирландия, социальная политика, социальные проблемы, урбанизация*

Sklyarova E. K., Polikhovskaya O. A. Features of Socio-Economic Policy in Ireland in the first half of the XIX Century

Abstract: *The article examines the features of socio-economic policy in Ireland in the first half of the XIX century. The purpose of the study is a comparative analysis of socio-economic problems in the United Kingdom of Great Britain and Ireland in the corresponding period, as well as an analysis of the main directions and ways to solve them in Ireland. The relevance of the study is due to the scientific and practical significance of studying various models of socio-economic policy, the special status of Ireland and the Irish question in the UK. The research is based on historical-genetic and comparative methods of research of socio-economic policy in Ireland. It is concluded that in the first half of the XIX century, after Ireland became part of the United Kingdom, the parliament carried out a number of socio-economic reforms: under the laws on the poor, municipal reform, in the field of public health, which formed the basis for the formation of the social policy of Great Britain*

Keywords: *Great Britain, Ireland, social policy, social problems, urbanization*

Социальная политика впервые была провозглашена в Соединённом Королевстве Великобритании и Ирландии в середине XIX века. Она предусматривала обеспечение социально-экономических потребностей городов, различных слоёв общества и частей королевства. Актуальность исследования особенностей социально-экономической политики в Ирландии в первой половине XIX века обусловлена научно-практической значимостью изучения различных моделей социально-экономической политики стран мира, а также особым статусом Ирландии и ирландского вопроса в Великобритании, вызывающих до сих пор неоднозначные политические и научные дискуссии, как в зарубежной, так и в российской историографии.

В отечественной историографии специальных научных исследований, посвящённых комплексному анализу социально-экономической политики в Ирландии, в контексте урбанизации, промышленного переворота, религиозных норм и систем управления, а также становления социальной политики всего Соединённого Королевства посвящено не было. Различные исследования отражали историю британского общества после унии 1800 года, выделяя Ирландию, как пример национального сопротивления политике Англии [4, с. 21].

В зарубежной историографии в рамках ирландского вопроса анализировалась специфика экономического развития Великобритании, а исследования университета Кембриджа, рассматривающие историю социальных реформ в городах Британии, зачастую, не включали Ирландию [15]. Исследование по социальной истории Ирландии, изданное в университете Бристоля в Ирландии, анализировало социально-экономические процессы в стране, начиная с XVII века, когда Ирландия ещё не была частью Соединённого Королевства, выделяя роль законов о бедных, называя их «фрагментами социальной политики» [16, с. 17].

Целью данного исследования стал комплексный анализ особенностей социально-экономической политики в Ирландии в первой половине XIX века. Задачами исследования является комплексный анализ социально-экономической политики в Ирландии в контексте последствий урбанизации, миграции, смертности и переписей населения, а также новых социальных законов парламента и становления социальной политики Соединённого Королевства после вхождения её в состав Соединённого Королевства.

Союз с Ирландией 1800 года регламентировал создание Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии. До этого ещё в XVIII веке такой же частью королевства после аналогичной унии стала Шотландия. В 1800 году было принято решение о проведении первой государственной переписи населения, согласно которой в 1801 году большинство населения Соединённого Королевства проживало в Англии – 8,3 миллиона человек, а в Ирландии – 5,2 миллиона человек. При этом население Уэльса и Шотландии, согласно официальной переписи населения, было значительно меньше, составляя приблизительно 1,6 миллиона человек в Шотландии, и всего лишь 587 тысяч человек в Уэльсе [4, с. 32]. Ирландия после вхождения в состав Соединённого Королевства стала второй частью государства по количеству населения, обгоняя по этим показателям Шотландию и Уэльс в первой половине XIX века, что объективно обусловило новый комплекс социально-экономических проблем и социальных расходов единого государства.

Исследователи из Ирландии отмечали, что в отчёте комиссии по расследованию законов о бедных 1835 года было указано, что «три из восьми миллионов населения Ирландии» нуждаются в социальной помощи [16, с. 14]. При этом необходимо отметить рост рождаемости населения Ирландии после вхождения в состав Соединённого Королевства. Количество населения, как и в Англии, стремительно росло. Согласно переписи населения, количество населения Ирландии в 1801 – 1841 годах (до периода картофельного голода) выросло приблизительно с 5,2 миллионов человек до более восьми миллионов человек. В этот период Ирландия

была страной многодетных семей, занимающихся сельским хозяйством и выращивающих, преимущественно, картофель. Основу повседневного питания в Ирландии составлял картофель, а также хлеб и молоко.

Аграрная Ирландия, в отличие от Англии, в первой половине XIX века считалась бедной страной, что подчёркивалось на заседаниях британского парламента [20, с. 1105 – 1031]. Однако в парламенте уже обсуждался вопрос: почему «Ирландия ставится ниже Англии?» [23, с. 652 – 646]. В эпоху промышленного переворота и урбанизации города Англии и Уэльса быстро застраивались промышленными предприятиями, меняя экологию, образ жизни, занятость и доходы местного населения. А Ирландия в это же время оставалась аграрной частью королевства, выращивая, преимущественно, картофель и другие продукты питания и сельского хозяйства. В историографии Ирландии отмечалось, что «в 1841 году две трети населения» Ирландии занимались сельским хозяйством [17, с. 67], что составляло приблизительно около пяти из восьми миллионов человек. В первой половине XIX века исполнительная власть находилась в руках Лорда-лейтенанта Ирландии и Главного секретаря по делам Ирландии, которые были назначены британским правительством. После вхождения в состав королевства Ирландия направила своих членов парламента в Лондон в Палату общин парламента Соединённого Королевства, а ирландские аристократы и богатейшие люди Ирландии были избраны в Палату лордов Великобритании. Большинство из них были крупными землевладельцами.

В Соединённом Королевстве Великобритании и Ирландии существовали различные виды налогов. Ещё в XVII веке в Англии по закону о бедных вводился государственный налог на бедных. В первой половине XIX века первоначально «нищета в Ирландии использовалась в качестве предлога для освобождения жителей страны от налога на имущество». Но уже в этот период в парламенте Великоритании предлагалось «расходовать налоги в интересах всего королевства», а не только Лондона, Англии и Ирландии [5, с. 118].

Религия, выбор вероисповедания и деятельность религиозных приходов также влияли на повседневный образ жизни, экономическое и социально-политическое развитие Великобритании. Протестантизм оказывал влияние на социально-экономическое развитие Англии, а римско-католическая церковь и католицизм были распространены в Ирландии, обусловив дополнительную критику религиозных предпочтений в Ирландии, а также различия в подходах в проведении государственных и местных социальных реформ. Католики составляли около 80% населения Ирландии. Однако после вхождения Ирландии в состав Великобритании закон сделал протестантизм общегосударственной религией и в Ирландии. В Соединённом Королевстве длительно сохранялась церковный налог. В российской дореволюционной историографии отмечалось, что церковная десятина ложилась на католическое земледельческое население Ирландии. «Налог был несправедлив, вызывая у ирландцев постоянное раздражение», особенно в периоды неурожая картофеля и голода. Ставилась задача отмены церковной десятины, но католики Ирландии должны были содержать, кроме своего католического духовенства, ещё и протестантское. При этом отмечалось, что большинство ирландских крестьян жило в условиях «скотской жизни» [2, с. 181, 198].

Столицы различных частей Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии развивались по-разному, отставая в городском благоустройстве от Лондона. Улицы Дублина не были замощены и освещены в начале XIX века в отличие от Лондона. Грязь, темнота преступность на улицах Дублина и городов Ирландии, бездействие в благоустройстве её столицы отмечались в парламенте. Депутаты предлагали создать организацию, которая будет заниматься городским благоустройством Дублина. Подчёркивалось, что эти вопросы обсуждались в парламенте шесть лет назад, но там также темно и грязно [18].

Вопрос о благоустройстве Дублина постоянно откладывался, поскольку в парламенте не было принято решение о финансировании социальных реформ [6, с. 54]. Позже государственные отчёты 1830-х годов доказали проблемы качества воды и водоснабжения не только городов Ирландии, но и других городов Великобритании, а также и столицы страны – Лондона [22, с. 536 – 540]. В периоды эпидемий холеры и тифа вопрос о водоснабжении, мощении и уборки улиц от мусора вызывал особую значимость для социального развития и здравоохранения Ирландии, а также и всего Соединённого Королевства.

После введения переписей населения всего королевства решение социально-экономических проблем Ирландии начало постепенно осуществляться. Российские исследователи отмечали, что попытки решения социальных проблем городов Ирландии «начались уже в первые годы после унии» [1]. Выделялись средства для финансирования «пенсий вдов офицеров» королевства, мужья которых воевали против Франции, защищая интересы Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии, и погибли в период наполеоновских войн [19, с. 911 – 931].

Согласно новому закону об учреждении государственных лазаретов и больниц в Ирландии 1814 года было установлено, что врачам и хирургам, которые будут назначены для работы в больницах, должна выплачиваться сумма, не превышающая сто фунтов стерлингов, из государственных средств. Отмечалось, что указанная сумма, обусловленная значительным повышением цен на предметы первой необходимости, является недостаточной для справедливого вознаграждения хирурга и должна быть обязательно дополнена. При этом в некоторых графствах оказалось невозможным найти квалифицированных врачей [9]. В этот период формировалась система здравоохранения и оплаты работы государственных служащих.

По мнению учёных университета Бристоля, в 1817 году Ирландия стала первой страной в Европе, где впервые были созданы государственные психиатрические приюты. «22 приюта было создано в 1810 – 1869 гг.» [16]. Возможно нищета, пьянство, недостаточное питание, преимущественно картофелем, молоком и хлебом, приводило к развитию различных психических расстройств и заболеваний у населения страны.

Аграрное развитие Ирландии, направленное на выращивание и использование картофеля, как основного продукта питания и коммерции, привело к голоду в 1840-х годах. Для решения этой социально-экономической проблемы «более 2,5 миллионов фунтов стерлингов было направлено и истрачено только парламентом Великобритании на продовольствие, не считая частных пожертвований в период голода в Ирландии 1840-х годов [2, с. 168].

Эпидемии холеры и тифа в первой половине XIX века стали также важной проблемой в развитии Ирландии, а также Соединённого Королевства и стран мира. Новые социальные законы обусловили предотвращение эпидемий, сооружение и финансирование государственных больниц и госпиталей, освещение и уборку улиц городов Ирландии, создание местных комиссий по их благоустройству [12]. Парламент утвердил новые законы, касающиеся строительства и финансирования работы больниц в Ирландии [3, с. 16].

Социальные проблемы урбанизации, рост смертности населения, необходимость проведения кардинальных реформ обязывали парламент, а также местную администрацию городов всей Великобритании и Ирландии решать комплексно социально-экономические проблемы санитарии, нищеты, эпидемий, пауперизма, смертности, миграции и эмиграции населения, персональной гигиены и здравоохранения, начав повсеместно в городах строительство государственных общественных бань и прачечных [11].

Проблемы нищеты и пауперизма занимали центральное место в государственной политике Великобритании, начиная с XVII века. В первой половине XIX века депутаты британского парламента неоднократно обсуждали вопрос о положении бедных в Англии, Уэльсе,

Шотландии и Ирландии, предлагая принять билль о помощи беднякам Ирландии. Депутат Р. Масгрейв считал, что британский парламент должен принять меры для обеспечения занятости трудоспособных. В парламентском отчёте по расследованию положения ирландской бедноты говорилось, что в Ирландии ежедневно «от нищеты погибает множество людей». Ирландия «отличалась от любой другой страны, где люди жили в комфорте». Медицинская часть доклада называлась в парламенте «самой важной», поскольку врачи смогли засвидетельствовать масштаб всех страданий бедных в Ирландии. Согласно биллю, предлагалось оказывать помощь неспособным работать и беспомощным, а в исключительных случаях и другим слоям населения Ирландии. Предлагалось также создать комитет из семи квалифицированных членов, соблюдать ротацию подкомитета, который должен был составить список беспомощных, ограничив его лицами старше 60 лет, сиротами до 14 лет, увечными, больными, слепыми, глухонемыми и сумасшедшими. В списке должны были быть указаны возраст, место рождения и другие сведения, относящиеся к каждому лицу, вместе с суммой государственного пособия, требуемой в каждом конкретном случае. Предлагалось наделить лорда-лейтенанта полномочиями по объединению различных религиозных приходов для решения социально-экономических целей [23, с. 226 – 233].

В результате унификации законов о бедных в Соединённом Королевстве Великобритании и Ирландии первоначально был принят новый закон о бедных для Уэльса и Англии, а лишь затем для Ирландии и Шотландии [7]. Повсеместно создавались работные дома, как новый вид помощи населению, вызвав негативные и позитивные отклики в стране, а также различные дискуссии в парламенте, зарубежной и российской историографии [4, с. 10].

Новая система, созданная по закону о бедных 1838 года в Ирландии, способствовала развитию государственных медицинских организаций, а также поддержке населения и благотворительных медицинских организаций в Ирландии. Новый закон 1851 года предусматривал поддержку и управление медицинских благотворительных организаций, исполнение законов о помощи бедным в Ирландии. Больные пауперы и ирландские мигранты могли получить медицинскую помощь в специальных лазаретах работных домов, созданных по законам о бедных в городах Соединённого Королевства [14].

Ирландия, как и многие другие страны мира, в первой половине XIX века стала частью колониальной политики Великобритании. Для решения проблем благосостояния, нищеты, миграции населения в королевстве, а также для закрепления влияния Британии за рубежом началась разработка эмиграционных схем переселения «лишнего населения», пауперов и преступников за пределы Британии и Атлантического океана. Эмиграция ирландцев в Канаду и Австралию с 1849 года стала частью этих государственных схем, разработанных юристами, экономистами для развития британских колоний, а также для решения ряда внутренних социально-экономических проблем [16, с. 19].

Эмигранты из Ирландии направлялись в Канаду (в Квебек, Кингстон, Монреаль, Новую Шотландию, Нью-Брансуик, Ньюфаундленд, Прескотт, Оттаву, остров Гросс, Торонто). Для каждого эмигранта с женой и детьми из Ирландии в Канаду правительство Великобритании выделяло определённую сумму для их транспортировки и первоначальной поддержки. Многие эмигранты стремились избежать нищеты, а также эпидемий тифа и холеры. Однако вслед за эмигрантами эпидемии холеры и тифа распространялись и в Канаде (на острове Гросс, в Новой Шотландии, Ньюфаундленде, Квебеке, Нью Брансуике и др.).

Здравоохранение городов и муниципальная реформа в Великобритании стали частью новой государственной политики Соединённого Королевства, постоянным объектом законодательной работы британского парламента. Однако в новом муниципальном законе 1835 года первоначально было предложено ограничиться лишь Англией и Уэльсом, заменив в законе

слово «Великобритании» лишь на «Англии и Уэльса» [21, с. 645 – 655]. Позже при обсуждении этого билля депутат О' Коннелл указал на недостаток подобного названия, предлагая включить в новый закон и Ирландию [23, с. 656 – 744].

Билль о муниципальных корпорациях Ирландии, став законом в 1840 году, был утверждён после предшествующих законов Шотландии и Англии [8]. Закон первоначально распространялся на десять из шестидесяти восьми городов Ирландии (Белфаст, Вотерфорд, Дублин, Кликенн, Клонмель, Корк, Лимерик, Слиго и др.). Новый закон был издан в сборнике статутов Соединённого Королевства, заменив неэффективные и устаревшие городские службы, занимающиеся благоустройством и здравоохранением.

При открытии сессии парламента 1844 года королева Виктория объявила, что социальная политика – важнейший вопрос благосостояния всего королевства. Отмечалось, что реформы по улучшению социальных условий в Ирландии будут продолжены, и это будет «контроль благосостояния» всех частей страны, включая Ирландию [24, с. 3 – 5].

Однако 1845 – 1852 годы для Ирландии стали периодом, вошедшим в историю, как период Великого голода, а так же, как ирландского картофельного голода и высокой смертности населения. Принцип невмешательства государства в экономическую деятельность предпринимателей сохранялся в Британии. Но социально-экономический кризис негативно отразился на населении Ирландии, бизнес которой основывался на производстве сельскохозяйственной монокультуры. Самым тяжёлым для Ирландии стал 1847 год, обусловив рост национального сопротивления, движения за независимость, негативное отношение к Лондону и Англии. Началась национальная кампания за отмену Закона об унии 1800 года. Для поддержки населения кроме традиционной благотворительной помощи, в Соединённом Королевстве начали вводить систему работных домов и общественных работ.

В 1847 году в период голода в Ирландии лорд Джордж Бентик (депутат от консервативной партии), стремясь уменьшить бедствия в этой части королевства и решить социальные проблемы, поставил в парламенте перед министром по делам Ирландии вопрос о смертности населения в этой части Соединённого Королевства. Первоначально в Ирландии отрицалось, что протестантское духовенство Ирландии вело записи о количестве всех смертных случаев. Но оказалось, что это неверное предположение. Смертность населения в Ирландии составила приблизительно двадцать человек к одному, что было значительно больше, чем за любой предыдущий год. Депутат Лабочер подчеркнул, что в Ирландии большая смертность происходит из-за тяжёлого положения этой части страны. Он заявил, что правительство обратилось в полицию, чтобы получить информацию, которая фиксировалась в реестре врачами и настоятелями каждого прихода. Несколько членов римско-католической церкви заявили, что на эти сведения нельзя полностью полагаться. Одним из первых шагов, которые предприняли комитеты, было получение списков обездоленных бедняков в округах Ирландии. Депутат Мэннерс показал письмо священника, где отмечалось, что не существует средств точного определения количества смертных случаев, произошедших в различных частях Ирландии за разные периоды. Премьер-министр Великобритании и лидер партии вигов лорд Джон Рассел отметил, что для решения всех этих проблем социальные расходы привели к увеличению числа служащих на государственных должностях, а также и в Ирландии. Депутат Белью подчеркнул, что католическое духовенство не могло предоставлять информацию о количестве смертных случаев, не принадлежащих к их пастве; а что касается, их собственной паствы, то подобные сведения также были не всегда точны. Депутат Бенджамин Дизраэли отметил, что замечание о состоянии государственной службы справедливо, но в Ирландии, как в «братском королевстве» отмечена «беспрецедентная смертность». Депутат Скроуп выразил надежду, что правительство Великобритании сделает первоочередной обязанностью комитетов помощи проведение

государственной переписи населения, сопоставляя нынешнее и прежнее состояние Ирландии с количеством там бедных и обездоленных людей. А если бы была проведена точная перепись населения, то они не услышали бы о людях, «умирающих от безнадзорности» [25, с. 571 – 575].

Не только голод в Ирландии, но также и эпидемии тифа и холеры, здравоохранение городов были серьёзной проблемой всего Соединённого Королевства в XIX веке. Однако новый закон об общественном здравоохранении 1848 года не распространялся на Ирландию [4, с. 138]. Шотландия и Ирландия были новыми частями королевства, но, как и Лондон, не были включены в сферу действия закона. Билль о здравоохранении Ирландии, объединив, как и в Англии, все предшествующие законы, был принят в 1878 году [10]. Однако уже до этого закон о муниципальных корпорациях Ирландии 1854 года предусматривал водоснабжение, мощение, освещение, дренаж и уборку улиц в 76 городах Ирландии [13, с. 103].

Социально-экономические реформы в первой половине XIX века обусловили выработку внутренней политики Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии, для которой стали использовать термин «социальный». Он развивался в британском парламенте, в периодической печати, в статистических и научных обществах, а также при анализе проблемы пауперизма, антисанитарных условий и здравоохранения городов, социальных расходов в Англии и Ирландии [4, с. 4].

Таким образом, после вхождения Ирландии в состав Соединённого Королевства с 1800 года социально-экономические проблемы этой части страны были переданы для их решения британскому парламенту. Аграрная Ирландия, будучи второй по количеству населения частью королевства, в эпоху урбанизации и промышленного переворота значительно отставала в социально-экономическом развитии от индустриальной Англии. В период голода в Ирландии в парламенте решался вопрос о беспрецедентной смертности населения в этой части Соединённого Королевства, которая называлась в парламенте братской. Правительство пыталось решить проблему смертности населения посредством проведения государственных переписей населения, контроля реестра смертности, которая до реформ фиксировалась врачами и настоятелями религиозных приходов. Социальные реформы вели к увеличению расходов, а также числа государственных служащих для решения социально-экономических проблем и в Ирландии, постепенно повсеместно заменяя устаревшую приходскую и религиозную систему управления городов и регистрации населения. Нищета и смертность населения в Ирландии первоначально использовались в качестве предлога для освобождения населения от налога на имущество. Церковная десятина ложилась на земледельческое население Ирландии, вызывая у ирландцев раздражение. Муниципализация, переписи населения, отказ от религиозной системы управления, новые законы о бедных и общественном здравоохранении, освещении и мощении городов постепенно решали местные социальные проблемы. В первой половине XIX века Ирландия, как и другие страны мира, стала частью колониальной политики Великобритании, которая координировала переселение ирландцев в Канаду. Для устранения последствий урбанизации, поддержки пауперов, мигрантов, трудоспособного и нетрудоспособного населения большинство новых социальных законов было одобрено применительно к Англии, а затем к Ирландии. Социальные реформы по управлению и благоустройству городов первоначально коснулась столицы, больших городов и портов Ирландии – Дублина, а также Белфаста, Вотерфорда, Кликенни, Клонмеля, Корка, Лимерика, Слиго. Социальные расходы шли на пенсии вдовам, здравоохранение городов Ирландии, поддержку бедных и мигрантов. К середине XIX века реформы привели к становлению социальной политики всего Соединённого Королевства, став частью государственных программ, направленных на улучшение благосостояния всех частей страны, включая и Ирландию.

Библиографический список

1. Апрыщенко В. Ю., Склярова Е. К. Формирование идей социального развития в Шотландии и Ирландии в перовой половине XIX века // Диалог со временем. 2020. № 70. С. 251 – 264.
2. Афанасьев Г. Е. История Ирландии / Г. Е. Афанасьев. – СПб: Тип. Брокгаузъ-Ефронъ, 1907. – 312 с.
3. Гутиева М. А., Склярова Е. К. Сравнительный анализ социальных реформ России и Великобритании в первой половине XIX века // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 14 – 24.
4. Склярова Е. К. Становление социальной политики Великобритании в эпоху урбанизации. Ростов-на-Дону: Южный Федеральный университет, 2019. – 246 с.
5. Склярова Е. К., Суржиков М. А. Налоговая политика Великобритании и Ирландии в первой половине XIX в. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2022. № 6 (127). С. 117 – 119.
6. Склярова Е. К., Сидоренко Ю. А., Бутова Е. Н. Санитарные проблемы городов Англии, Шотландии и Ирландии в первой половине XIX века // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. № 1 (104). С. 52 – 57.
7. An Act for the More Effectual Relief of the Destitute Poor in Ireland, 1838 // 1 & 2 Vict. c. 56; An Act for the Amendment and Better Administration of the Laws Relating to the Relief of the Poor in Scotland, 1845 // Vict. 8 & 9 c. 83.
8. An Act for the Regulation of Municipal Corporations in Ireland, 1840 // 3 & 4 Vict. c. 108. P. 913 – 1044; The Statutes of the United Kingdom of Great Britain and Ireland, 3 & 4 Vict. 1840. Vol. 15. London: Her Majesty`s Printers, 1840. – 710 p.
9. An Act to amend several Acts for erecting or establishing Public Infirmaries or Hospitals in Ireland so far as relates to the Surgeons and Apothecaries of such Infirmaries or Hospitals, 1814 // 5 Geo. III. c. 20.
10. An Act to Consolidate and Amend the Acts relating to Public Health in Ireland, 1878 // Vict. 41 & 42. c 52.
11. An act to encourage the Establishment of Public Baths and Wash-Houses 1846 // 9 & 10 Vict. c. 74. P. 260 – 265; An Act for promoting the voluntary Establishment in Boroughs and certain Cities and Towns in Ireland of Public Baths and Wash-Houses, 1846 // 9 & 10 Vict. c. 87. P. 282 – 287.
12. An Act to establish Regulations for preventing Contagious Diseases in Ireland, 1819 // 59 Geo. III. c. 41. P. 439 – 434; An Act to enlarge the Powers of the Governors of the Foundling Hospital in Dublin, 1820 // 1 Geo. IV. c. 29. P. 30 – 131; An Act to make Provision for the lighting, cleansing, and watching of Cities, Towns Corporate, and market Towns, in Ireland, in certain Cases, 1828 // 9 Geo. IV c. 82. P. 526 – 558.
13. An Act to make better Provision for the paving, lighting, draining, cleansing, supplying with Water, and Regulation of Towns in Ireland, 1854 // 17 & 18 Vict. c. 103.
14. An Act to provide for the better Distribution, Support, and Management of Medical Charities in *Ireland*; and to amend an Act of the Eleventh Year of Her Majesty, to provide for the Execution of the Laws for the Relief of the Poor in *Ireland, 1851* // 14 & 15 Vict. c. LXVIII.
15. Black R. D. Economic Thought and the Irish Question 1817 – 1880. Cambridge: Cambridge University Press, 1960. – 314 p.; The *Cambridge Urban History of Britain*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 3 Vols.
16. Dukelow F., Considine M. Irish social policy: A critical introduction. Bristol: Bristol University Press, 2017. – 480 p.
17. Fitzgerald G. Towards a New Ireland. Dublin: Gill & Macmillan Ltd, 1973. 198 p.
18. Hansard`s Parliamentary Debates. 1805. Vol. 5. c.112 – 116; 1806. Vol VI. c. 484-536.
19. Hansard`s Parliamentary Debates. 1812. Vol. 21. c. 911 – 931.
20. Hansard`s Parliamentary Debates. 1831. Vol. 5. *c. 1105 – 1031*.
21. Hansard`s Parliamentary Debates. 1833. Vol. 15. c. 645 – 655.
22. Hansard`s Parliamentary Debates. 1835. Vol. 28. c. 536 – 540.
23. Hansard`s Parliamentary Debates. 1836. Vol. 31. c. 226 – 233; Vol. 32. c. 656 – 744.

24. Hansard`s Parliamentary Debates. 1844. Vol. 72. C. 3 – 5.
25. Hansard`s Parliamentary Debates. 1847. Vol. 91. C. 571 – 575.

Сведения об авторf[:

Склярова Елена Константиновна, доктор исторических наук, профессор; Институт истории и международных отношений, Южный Федеральный университет; eskliarova@sfedu.ru

Полиховская Ольга Александровна, специалист по учебно-методической работе кафедры экономической теории, Южный Федеральный университет; poli@sfedu.ru

УДК 94

А.А. Турыгин

Пангерманский союз и критика немецкой социал-демократии

Аннотация: *В статье речь идёт о критике и борьбе Пангерманского союза с Социал-демократической партией Германии (СДПГ). Рассматриваются общие цели и задачи Пангерманского союза, а также деятельность его филиалов в Гамбурге, Любеке и Мюнхене, связанная с немецкой социал-демократией. Изучены основные точки зрения пангерманцев о том, как следует вести борьбу с социал-демократией (Г. Класс, Э. Либерт, П. Банг). Дана оценка малоизученных аспектов деятельности в пангерманском филиале г. Любека. Проанализированы методы борьбы пангерманцев с социал-демократией до и после Первой мировой войны*
Ключевые слова: *Пангерманский союз, социал-демократия, Первая мировая война, Генрих Класс, геополитика, антидемократизм, антисемитизм, марксизм*

Tyrygin A. A. Pan-German League and Criticism of the German Social-Democracy

Abstract: *The article deals with the criticism and struggle of the Pan-German league with the Social Democratic Party of Germany (SPD). The general goals and objectives of the Pan-German league, as well as the activities of its branches in Hamburg, Lübeck and Munich, connected with German social democracy, are considered. The main points of view of the Pan-Germans on how to fight against social democracy (H. Class, E. Liebert, P. Bang) have been studied. An assessment of the little-studied aspects of activity in the Pan-German branch of the city of Lübeck is given. The methods of struggle of Pan-Germans with social democracy before and after the First World War are analyzed*
Keywords: *Pan-German league, social democracy, World War I, Heinrich Class, geopolitics, anti-democratism, anti-Semitism, marxism.*

Среди всех немецких партий наиболее яростным атакам со стороны Пангерманского союза подвергались социал-демократы. Социал-демократия рассматривалась как опасность, которая могла нанести непоправимый ущерб Германии, потому что она в равной мере была враждебна и государству, и обществу. Эта опасность усматривалась, в частности, в интернациональном характере социалистического движения, поскольку учение СДПГ учение отвергало государство и не признавало традиционных барьеров внутри общества; партия добивалась абсолютно равных прав и обязанностей. Это означало борьбу против государства, против монархии, против частной собственности и против всех существующих порядков. В своей оценке социал-демократии лидер пангерманцев Генрих Класс объединил антисоциалистические и антисемитские идеи, установив связь между социал-демократами и евреями, чтобы ещё больше подчеркнуть опасный характер этой СДПГ. Он был убеждён, что «под еврейским руководством немецкие социал-демократы добиваются исключительной интернационализации» [9, с. 43] трудящихся, которая была способна разрушить основы национального государства. Поскольку монархическая традиция представляла его главный стержень, то объектом разрушения для социал-демократии являлась, с точки зрения пангерманцев, являлась монархия Гогенцоллернов.

Призывы СДПГ к интернациональной солидаризации трудящихся рассматривалась пангерманцами под влиянием социал-дарвинистских и геополитических воззрений члена Пангерманского союза Ф. Ратцеля. В соответствии с его воззрениями, государство, которое было призвано обеспечивать национальные интересы, всегда рассматривало другие народы как потенциальных противников, поэтом любые формы надгосударственного единства нарушали естественный порядок вещей. Посягательством на такой порядок и нарушением традиции было и требование больших прав для рабочих, что подрывало веру в авторитет работодателей и институт собственности, что напрямую затрагивало интересы членов Пангерманского союза из имущего и образованного класса (Besitz und Bildung).

В «Немецкой истории» Г. Класс положительно оценил сдерживающий эффект исключительного закона против социалистов Бисмарка, отметив, что с его помощью канцлер перекрыл кислород социал-демократии, загнав её в «душное пространство робкой жадности рабочих» [7, с. 314]. Отмена закона под давлением большинства депутатов рейхстага, произошедшая в начале 1890 года, создала для национального государства новую угрозу, начавшуюся с «безумия самых наглых хулиганов, решивших отпраздновать триумф» [9, с. 288]. Под «безумием» Г. Класс понимал итоги последовавших февральских выборов в рейхстаг, на которых большинство голосов избирателей, хотя и всего 35 мест, получила СДПГ. Оценивая итоги выборов как «плохой результат», Г. Класс предлагал правительству задуматься о том, что «из всех граждан, имевших право голоса, миллионы людей открыто склонялись к антиимперской социал-демократии» [7, с. 314], а, следовательно, среди тех, кто создавал Германию вместе с канцлером Бисмарком, скрывались враги государства, которых нужно было разоблачить.

В 1912 году Г. Класс требовал: 1) немедленного запрета СДПГ и её печатных органов; 2) изгнания её лидеров; 3) запрещения любых собраний на социал-демократическую тематику; 4) закрытия всех внепартийных газет, враждебных государству и развивавших идеи социализма [9, с. 67].

Во время Первой мировой войны пангерманская агитация против СДПГ усилилась после непродолжительного периода гражданского единения в связи с одобрением депутатами рейхстага в 1914 году военных кредитов [2, с. 82-91]: уже в 1915 году СДПГ подверглась нападкам за свою военную политику. Речь шла о характере и методах войны, по вопросу о которых среди депутатов наметились значительные расхождения. Если в авангарде аннексионистского блока оказались правые консервативные и национал-либеральные партии, поддержанные финансовым и промышленным капиталом, то левые партии, как СДПГ, предпочли умеренные позиции. Лидерами общественного мнения, влиявшего на депутатов правых партий, стали именно пангерманцы. Внепартийный статус Пангерманского союза, закреплённый в его уставе, давал возможность его членам, не обращая внимания на политическую этику или хрупкий межпартийный компромисс, требовать «аннексий территорий без людей» [3, с. 112-113].

К числу сторонников противоположной точки зрения, развивавших мысль об оборонительной войне, можно было отнести общественно-политические силы весьма широкого спектра: от демократов, умеренных либералов и пацифистов до социал-демократов. Внутренняя разобщённость и наличие разных сценариев ведения войны препятствовала единству этого многочисленного блока. По мере затягивания войны и изменения баланса сил в пользу союзников, всё более крепли позиции аннексионистов, целью которых становится отставка умеренного рейхсканцлера («Бетман-Гольвег должен уйти!» [5, с. 113-138]) и раскол единства СДПГ, наметившийся в январе 1916 года с образования «Группы Спартака» (Р. Люксембург, К. Либкнехт, П. Ланге, Ф. Вестмайер и др.). Вместе с покинувшим фракцию СДПГ К. Либкнехтом Р. Люксембург инициировала мощную агитационную кампанию журнала «Интернационал» против «внутреннего врага» – германского империализма, тайной дипломатии и партии войны [1, с. 60]. Эти действия социал-демократов имели далеко идущие последствия, приведя к резонирующему эффекту пангерманской антисоциалистической и антидемократической пропаганды.

Усилению позиций пангерманцев в их критике СДПГ способствовали общеполитические обстоятельства: широкая программа наращивания вооружений, начавшаяся после замены руководства рейхсвера П. Гинденбургом и Э. Людендорфом в августе 1916 года, и декабрьский закон о вспомогательном патриотическом труде, который сделал профсоюзы «инструментом государственного управления и пропаганды» [13, с. 105]. В этих условиях, по мнению

Г. Класса, задачами Пангерманского союза становится выявление и разоблачение подлинных целей социал-демократии, так умело скрываемых ею за призывом к войне и победе в 1914 году [6, с. 321].

Помимо пангерманской печати, активно публиковавшей критические очерки и разоблачения целей социал-демократии (Rheinisch-Westfälische Zeitung, Deutsche Zeitung, Alldeutsche Blätter) [8], формами борьбы стали многочисленные мероприятия, организованные филиалами Пангерманского союза по всей стране, и сотрудничество с Имперским союзом против социал-демократии (Reichsverband gegen die Sozialdemokratie). Его лидером с момента основания в 1904 году был прусский высокопоставленный офицер, пехотный генерал, бывший губернатор Германской Восточной Африки и депутат рейхстага Эдуард фон Либерт, входивший с 1903 года в правление Пангерманского союза.

Наиболее остро борьба против социал-демократии развернулась в баварских и саксонских филиалах Пангерманского союза, где в силу близости границы актуальной оставалась антисемитская и расистская риторика, а также на севере – в филиалах Гамбурга и Любека. Под влиянием промышленного подъёма вплоть до 1914 года именно в северных городах набирало силу рабочее движение, что сделало филиал СДПГ в Любеке самым многочисленным. В Гамбурге уже «с середины 1890-х проживала четверть всех социал-демократов Германии» [11, с. 9].

Военная риторика любекских пангерманцев и их призывы к увеличению армии натолкнулись на противодействие достаточно сильной местной социал-демократической ячейки, усилившейся после триумфа СДПГ на парламентских выборах 1912 года и в годы войны. С целью противостоять социал-демократам пангерманцы инициировали создание в Любеке единого правого фронта, так называемого Ганзейского народного союза (Hanseatischer Volksbund), который должен был сплотить всех антиреспубликанцев и антимарксистов вокруг единого кандидата на будущих выборах. Инициатива нашла широкую общественную поддержку, когда социал-демократы Любека вместе с редактором местной партийной газеты Lübecker Volksbote и депутатом Юлиусом Лебером добились отставки пангерманского бургомистра И. Ноймана по делу о планах государственного переворота. В «Ежегоднике» Любека есть такая запись: «В ходе обыска в доме лидера Пангерманского союза в Берлине был обнаружен составленный частными лицами список министров, в котором значилось имя бургомистра д-ра Ноймана. Социалистическая прусская пресс-служба связала это с призывом к диктатуре, предположительно найденным в другом месте. По этому поводу социалистическая пресса напала на нашего бургомистра. Никаких нарушений спокойствия не было, только газет было продано больше, чем обычно. Бургомистр д-р Нойман возбудил уголовное дело против социалистической газеты за оскорбление» [12, с. 72]. Чуть позже появляется другая запись, что накануне празднования 700-летия Любека демократы, социал-демократы и коммунисты сообща приняли вотум недоверия бургомистру д-ру Нойману (2 июня), который на следующий день объявил о своей отставке [12, с. 80].

Во время этого политического кризиса, вызванного отставкой пангерманца И. Ноймана, Ганзейскому народному союзу удалось сгладить политические контрасты и сплотить за собой большую часть разрозненных правых сил. Только на выборах в парламент Любека в 1926 года Ганзейский народный союз добился значительного успеха, опередив СДПГ (ГНС - 44% голосов и 36 из 80 мест; СДПГ – 42,6% голосов и 35 мест) и став самой сильной парламентской фракцией [14, с. 183-213].

По мнению Р. Херинга, своими многолетними нападками на социал-демократов в сочетании с антисемитизмом после поражения в Первой мировой войне, пангерманцы способствовали смене настроений в сторону национал-социализма, что было характерно

преимущественно для Баварии [10, с. 419]. Часто выступая с лекциями в Мюнхене, член правления Пангерманского союза П. Банг неоднократно обращал внимание, что ответственность за военное поражение Германии следовало сразу возложить на социал-демократов и многих депутатов, которые действовали как усердные могильщики своего же отечества, что под еврейским руководством СДПГ никогда не упускала возможности лишить людей их естественного чувства национальной чести, так как это даже не партия, а еврейское средство власти и сила их защищающая [4, с. 48].

Библиографический список

1. Мейер Э. «Спартак» во время войны: документы и нелегальные листовки союза «Спартак» во время войны. М.: Партиздат, 1933.
2. 2. Руткевич А.М. Немецкая социал-демократия и «идеи 1914 года» // Философские науки. 2013. № 1. С. 82-91.
3. 3. Туполев Б. М. «Срединная Европа» в экспансионистских планах германского империализма накануне и во время первой мировой войны // Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998. С. 112-113.
4. 4. Bang P. Staat und Volkstum // Friedrich Mann's pädagogisches Magazin. Heft 1017. Schriften zur politischen Bildung (Deutscher Staat). Reihe 1. Heft 3. Langensalza: H. Beyer & Söhne, 1930.
5. 5. Claß H. Politische Erinnerungen des Vorsitzenden des Alldeutschen Verbandes 1915–1933/36. Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts (DGQ). Bd. 79. Berlin: Duncker & Humblot, 2022.
6. 6. Claß H. Wider den Strom. Vom Werden und Wachsen der nationalen Opposition im alten Reich. Leipzig, 1932.
7. 7. Deutsche Geschichte von Einhart [Heinrich Claß]. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung, Theodor Weicher, 1912.
8. 8. Frech S. Wegbereiter Hitlers? Theodor Reismann-Grone. Biographie eines völkischen Nationalisten (1863-1949). Paderborn: F. Schöningh, 2009.
9. 9. Frymann D. [Claß H.] Wenn ich der Kaiser wäre. Politische Wahrheiten und Notwendigkeiten. Leipzig: Dieterichsche Verlagsbuchhandlung Theodor Weicher, 1912.
10. 10.Hering R. Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890-1939. Hamburg, 2003.
11. 11.Kneipengespräche im Kaiserreich. Stimmungsberichte der Hamburger Politischen Polizei 1892-1914 / Richard Evans (Hrsg.). Reinbek bei Hamburg: Rowohlt, 1989.
12. 12.Lübecker Jahrbuch der vaterländischer Blätter. Jahrgang 1925-1926. Lübeck: Der Verlag Gebrüder Borchers, 1926.
13. 13.Schönhoven K. Die deutschen Gewerkschaften. Frankfurt am Main, 1987.
14. 14.Stubbe-da Luz H. “Hanseatische” Parteipolitik in der Weimarer Zeit und in den Jahren nach dem Zweiten Weltkrieg. Die Sammlungs- und Bürgerblock-Bestrebungen des Hanseatischen Volksbundes sowie der Deutschen Sammlung (Lübeck), der Bremer Demokratischen Volkspartei und des Vaterländischen Bundes Hamburg // Geschichte als Verpflichtung. Hamburg, Reformation und Historiographie. Festschrift für Rainer Postel zum 60. Geburtstag. Bd. 28 / Hrsg. von Michael Hundt. Hamburg, 2001. S. 183-213.

Сведения об авторе:

Турыгин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Костромской государственный университет (Россия), E-mail: aturigin@mail.ru

УДК 94(73)"1890/1939"

В.В. Прилуцкий

«Угольные войны» в США и профсоюзы шахтеров (1890-1939 гг.)

Аннотация: *в статье рассмотрены «угольные войны» – крупнейший конфликт между трудом и капиталом в США в 1890–1930-е гг. В конце XIX – начале XX вв. американская горнодобывающая промышленность переживала подъем на фоне бурного экономического роста, способствовавшего превращению Америки в наиболее развитую страну мира. Угледобыча считалась одной из наиболее опасных профессий. Условия труда и жизни рабочих были плохими, что способствовало возникновению трудовых конфликтов в Америке. Различные профсоюзные организации боролись за свои права с ассоциациями владельцев шахт. Почти полвека на предприятиях американской угледобывающей промышленности наблюдались вспышки агрессии, саботажа и настоящего террора со стороны рабочих и профсоюзов, а также антипрофсоюзное насилие. Ключевыми событиями в этих конфликтах стали «угольные войны» в Западной Вирджинии, в горном регионе Аппалачи (1912–1921 гг.). Проблема остается малоизученной в отечественной историографии, несмотря на то, что данный конфликт (серия забастовок, вооруженных восстаний и стычек) считается самым кровопролитным, широкомасштабным и длительным после окончания Гражданской войны в США 1861–1865 гг.*

Ключевые слова: *трудовые конфликты в истории США, американское рабочее и профсоюзное движение, «угольные войны» в США, терроризм и вооруженные восстания в США в 1890–1930-е гг.*

Prilutskiy V.V. «Coal Wars» in the United States and miners' unions (1890–1939)

Abstract: *the article discusses the "coal wars" – the largest conflict between labor and capital in the United States in the 1890s–1930s. In the late XIX – early XX centuries, the American mining industry was booming against the background of rapid economic growth, which contributed to the transformation of America into the most developed country in the world. Coal mining was considered one of the most dangerous professions. The working and living conditions of the workers were poor, which contributed to the emergence of labor conflicts in America. Various trade union organizations fought for their rights with associations of mine owners. For almost half a century, there have been outbreaks of aggression, sabotage and real terror on the part of workers and trade unions, as well as anti-union violence, at the enterprises of the American coal mining industry. The key events in these conflicts were the «coal wars» in West Virginia, in the Appalachian mountain region (1912–1921). The problem remains little studied in Russian historiography, despite the fact that this conflict (a series of strikes, armed uprisings and skirmishes) is considered the bloodiest, large-scale and prolonged after the end of the American Civil War of 1861–1865 years*

Keywords: *labor conflicts in the history of the USA, American labor and trade union movement, «coal wars» in the USA, terrorism and armed uprisings in the USA in the 1890s–1930s*

В истории США было множество социальных конфликтов, часть из которых получила название «войны». Известны «железнодорожные» (1864-1912 гг.), «овечьи», «пастбищные» (1870-1920 гг., между фермерами на Дальнем Западе), «угольные» войны, конфликты за место города (статус) в округе штата, семейная межклановая вражда и др. Одними из наиболее кровавых и продолжительных по времени противостояний в американской истории стали и террора именно «угольные войны», происходившие в 1890–1930-е гг. Уголь длительное время оставался основным природным ресурсом во многих регионах Соединенных Штатов, и по мере роста различных отраслей экономики в стране развивалась и угледобывающая промышленность [8, p. 1–8]. Тяжелые условия добычи полезных ископаемых способствовали стремлению к организации рабочих в профсоюзы, чтобы совместно добиваться улучшения условий труда и повышения зарплаты. Среди горняков набирали популярность также различные социалистические учения. Рабочими-угольщиками – членами профсоюзов горняков, как правило, становились местные белые фермеры и иммигранты из Центральной и Восточной Европы. Иммигранты часто не говорили по-английски, что облегчало их эксплуатацию шахтовладельцами. В роли штрейкбрехеров выступали выходцы из

других штатов и регионов страны, иногда неанглосаксонского и неевропейского происхождения (афроамериканцы, азиаты и т.п.).

Горняки проживали в шахтерские поселках, расположенных возле месторождений угля, фактически полностью находившихся под контролем частных горнодобывающих компаний. В некоторых районах владельцы шахт десятилетиями запрещали рабочим создавать профсоюзы, увольняя с работы их членов. Трудящиеся жили в небольших деревянных домах, принадлежавших работодателям, поэтому увольнение приводило к выселению семей горняков. Магазины в поселках шахтеров принадлежали только угольным компаниям. Товары и продукты питания в них продавались по завышенным ценам, и их можно было приобрести исключительно по специальным сертификатам (купонам, талонам или жетонам, англ. coal scrip), которыми выдавалась зарплата. Владельцы шахт устанавливали свои правила и ограничения (например, комендантский час), а за порядком следили собственная полиция и охрана предприятий, жестко подавлявшие любые проявления недовольства. Справедливо говорить не о просто бесправии рабочих, но о порабощении шахтеров угольными компаниями. Подобные порядки были широко распространены и на многих предприятиях дореволюционной Российской империи

Для подавления восстаний рабочих и забастовок использовались правительственные военные и правоохранительные силы (армия, милиция штата, национальная гвардия, полиция) и нанятые бизнесменами-работодателями («ассоциациями угледобытчиков») сотрудники частных детективных агентств Пинкертона, Болдуина – Фелтса, Тиля, Бернса и др., охранники шахт, штрейкбрехеры, разного рода наемники, боевики, добровольцы, ополченцы, де-факто выполнявшие функции ЧВК и ЧОП того времени (частных военных и охранных компаний). На вооружении этих формирований было не только стрелковое оружие, но и аэропланы, с которых сбрасывали бомбы на повстанцев. Рабочие-шахтеры и профсоюзные организации при поддержке социалистов создавали отряды самообороны, вооруженные не только винтовками, пистолетами, взрывчаткой (динамит использовался для подрыва породы в угледобыче), но и пулеметами. Иногда на стороне рабочих выступали местные органы правопорядка, власти штатов и федеральное правительство, осуществлявшее посреднические функции на переговорах.

«Угольные войны» в Америке представлены следующими значимыми событиями:

1) Война в районе Коул-Крик (округ Андерсон, штат Теннесси) (апрель 1891 г. – август 1892 г.) с участием профсоюза «Орден Рыцарей Труда». Десятки погибших с обеих сторон конфликта.

2) Иллинойсские рудниковые войны (1898–1900 гг.), 26 погибших.

3) Пенсильванская стачка горняков, известная также как антрацитовая забастовка (12 мая – 23 октября 1902 г.). Охватила около 100–150 тыс. шахтеров-угольщиков на месторождениях антрацита в Восточной Пенсильвании. Охранниками и солдатами убиты не менее 2 стачечников.

4) Колорадские угольные войны (сентябрь 1913 г. – декабрь 1914 г.). В забастовках участвовали от 10 до 12 тыс. рабочих. Убито более 70 чел. с обеих сторон конфликта.

5) Угольные (рудниковые) войны в штате Западная Вирджиния (1912–1921 гг.). Конфликт известен также как «война реднеков». До 200 погибших. Часто понимаемые в узком смысле «угольные войны» относятся только к этим событиям, считающимся самым масштабным гражданским конфликтом в истории США в период после 1865 г. В вооруженном восстании участвовали от 10 до 20 тыс. рабочих, вооруженных винтовками и пулеметами. Им противостояли около 3 тыс. сотрудников местных правоохранительных органов и ЧВК (частного

детективного агентства Болдуина-Фелтса, участников отрядов добровольцев) и 27 тыс. солдат армии США и национальной гвардии Западной Вирджинии.

6) Всеобщая (общенациональная) забастовка угольщиков в США («Большая стачка») (1 апреля – 11 сентября 1922 г.). Участвовало 610 тыс. чел. Сопровождалась «резней в городе Херрин» (штат Иллинойс, 21–22 июня 1922 г.), в ходе которой погибли 24 чел.

7) Война в округе Харлан, штат Кентукки («истекающий кровью Харлан») (1931–1939 гг.), неизвестное количество погибших и раненых профсоюзных организаторов и рабочих, не менее 5 убитых со стороны властей и бизнеса.

Имели место и другие, менее значимые кровавые инциденты с участием рабочих-угольщиков. Кратко их охарактеризуем.

1) Резня в городе Морвуд (штат Пенсильвания) 3 апреля 1891 г. Толпа забастовщиков, в основном иммигрантов (венгров, поляков, итальянцев и др.), была обстреляна солдатами Национальной гвардии. В результате 9 или 10 стачечников были убиты, десятки ранены.

2) Национальная восьминедельная забастовка 180 тыс. рабочих-угольщиков (май – июнь 1894 г.). Она была вызвана уменьшением заработной платы в горнодобывающей промышленности, порожденной экономическим кризисом 1893 г. В результате вооруженных столкновений забастовщиков со штрейкбрехерами, национальной гвардией и охранниками в Пенсильвании, Огайо и Айове погибли по меньшей мере 5 чел., множество людей получили ранения.

3) Резня в городе Латтимере (штат Пенсильвания) 10 сентября 1897 г. Полиция застрелила 19 горняков во время марша в поддержку профсоюзов.

4) 16-месячная забастовка 15 тыс. угольщиков округа Уэстморленд (штат Пенсильвания) в 1910–1911 гг., основную роль в которой играли шахтеры-иммигранты из Словакии. Убито 16 чел.: преимущественно шахтеры и члены их семей.

7) Бунт на угольных шахтах в городе Хартфорд (штат Арканзас) в июле 1914 г. В его ходе забастовщиками, вооруженных винтовками, были разрушены с помощью динамита надземные строения одной из шахт, подожжены иные помещения, принадлежавшие шахтовладельцам, уничтожено оборудование. В результате саботажа угольные шахты в городе были затоплены, а 2 горняка-охранника, не входившие в профсоюз, были убиты профсоюзными активистами и сочувствующими.

8) Длительная, ожесточенная и безрезультатная забастовка угольщиков в штате Алабама, где до 70–80% шахтеров были афроамериканцами (сентябрь 1920 г. – февраль 1921 г.). Целью стачки являлось признание профсоюза и повышение зарплаты. В ходе забастовки были убиты генеральный менеджер угольной компании и заместитель шерифа, взорваны не менее 13 домов штрейкбрехеров. Местная полиция и солдаты ополчения (гвардии) Алабамы, встав на сторону шахтовладельцев, терроризировали районы проживания горняков, обстреливая их из пулеметов. Ополченцы линчевали одного из чернокожих шахтеров. Тысячи горняков были выселены из служебного жилья и остались без крова. Всего погибли не менее 18 чел.

Кроме упомянутых выше в 1903–1940 гг. в разных штатах в угольной промышленности произошли еще не менее 12 инцидентов, связанных с вооруженным насилием, жертвами которых стали не менее 56 чел.

В это же время похожие на «угольные войны» трудовые конфликты происходили на месторождениях золота и меди:

Забастовка горняков-золотодобытчиков в городе Криппл-Крик (штат Колорадо) (1894 г.). Убиты 2 чел., арестованы 300 чел.

Войны (забастовки) на золотых приисках и серебряных рудниках в штате Колорадо (1903–1904 гг.). «Колорадские трудовые войны» проходили с участием радикальных

профсоюзных активистов, применявших крайние методы борьбы (запугивание штрейкбрехеров, диверсии: подрывы с помощью динамита шахты, железнодорожного депо (где погибли 13 штрейкбрехеров), электростанции на одной из шахт, повреждение железнодорожного полотна и попытка пустить поезд под откос и т.п.). Имело место и антипрофсоюзное насилие (поджог домов активистов, их избиения, аресты и изгнание членов профсоюза из городов и т.п.) [9, p. 82–101]. В ходе терактов и перестрелок с войсками погибли 33 рабочих – членов профсоюзов и штрейкбрехеров. Одним из организаторов этих стачек был знаменитый профсоюзный лидер Уильям Дадли («Большой Билл») Хейвуд (1869-1928). Он был одним из руководителей Западной федерации горняков и левого крыла Социалистической партии США, основателем и лидером леворадикальной синдикалистской организации «Индустриальные рабочие мира» и участником коммунистического движения в Америке.

Забастовка в Медной стране (месторождения меди в штате Мичиган) (1913–1914 гг.). Более 80 погибших.

Угольная отрасль США переживала расцвет после Гражданской войны 1861–1865 гг., связанный с бурным ростом тяжелой промышленности и строительством железных дорог. Но периодически происходил спад производства из-за экономических кризисов. Известны: экономический спад 1890-1891 гг., депрессия 1893-1897 гг. (сопровождаемая банковскими паниками 1893 г. и 1896 г.), непродолжительная рецессия 1899-1900 гг., серьезный спад 1902-1904 гг., паники 1907 г. и 1910-1911 гг., сопровождаемые рецессиями 1907-1908 гг. и 1910-1912 гг., спад 1913-1914 гг., послевоенный кризис 1918-1919 гг., депрессия 1920-1921 гг., периоды спада в 1923-1924 гг. и 1926-1927 гг., Великая депрессия (в узком значении – экономический кризис октября 1929 г. – марта 1933 г. и рецессия мая 1937 г. – июня 1938 г.; в широком значении – с августа 1929 г. по декабрь 1941 г.). В конце XIX – начале XX вв. начались проблемы, вызванные с постепенным замещением угля нефтью. Владельцы шахт постоянно стремились снижать заработную плату трудящимся. Профсоюзы не признавались. Все эти факторы создавали взрывоопасную обстановку и способствовали возникновению забастовок, бунтов и даже вооруженных восстаний горняков.

Война в Коул-Крик 1891–1892 гг. (округ Андерсон, штат Теннесси) была связана с протестом горняков против использования труда заключенных в шахтах [7, p. 13–36]. Весьма неоднозначная практика сдачи в аренду – в лизинг заключенных штатом Теннесси горнодобывающим компаниям существовала с 1866–1871 гг. Первоначально она не вызывала протеста, поскольку в горном районе штата Теннесси ощущалась нехватка рабочих рук. Эту «систему» каторжного труда поддерживала правящая на Юге США Демократическая партия и критиковали республиканцы. Но к концу 1880-х гг. очевидным фактом стала нарастающая конкуренция между свободным трудом и использованием рабочей силы в лице заключенных, которая объективно приводила к снижению заработной платы в регионе. Кроме того, шахтеры были недовольны тяжелыми условиями труда и жизни в поселках возле шахт, а также произволом угольных компаний. В апреле 1891 г. началась забастовка и вооруженное восстание. Отряды вооруженных горняков численностью около 2 тыс. чел. уничтожали и грабили собственность владельцев шахт (административные здания). Мятежники сжигали тюремные ограждения, освобождали сотни заключенных, занятых добычей угля, усаживали их в поезда и вывозили по железной дороге из горной долины Коул-Крик. Губернатор Джон П. Бьюкенен пытался вести переговоры с шахтерами и владельцами шахт, закончившиеся безуспешно. Генеральная ассамблея (законодательный орган) и верховный суд штата Теннесси поддержали практику сдачи в аренду заключенных угледобывающим компаниям.

Губернатор предпринял меры по возвращению заключенных на шахты, выделив для их охраны более 100 ополченцев (бойцов милиции штата). Они разместились в специально

построенном на холме форте Андерсон и были вооружены винтовками и картечницей Гатлинга. В течение почти года происходили перестрелки между горняками, солдатами и тюремной охраной. В августе 1892 г. шахтеры пытались штурмом взять форт Андерсон. В ответ губернатор направил для подавления восстания около 600 бойцов милиции, к которым присоединились несколько групп из десятков добровольцев, сформированных местными шерифами. Одна из таких групп попала в засаду горняков и разбежалась, потеряв 2 чел. убитыми. В конце августа 1892 г. властям удалось подавить мятеж и арестовать более 500 шахтеров. Некоторые из забастовщиков сбежали из района до ареста. В апреле – августе 1893 г. были попытки возобновить насилие, атаки на тюремные ограждения и убийства. Всего в ходе вооруженных столкновений и перестрелок погибли 27 рабочих. Со стороны властей и горнодобывающих компаний были десятки убитых и раненых. Обвинения власти предъявляли 300 чел. Но почти все они были оправданы или оштрафованы. Только один из обвиняемых, которого пресса считала «анархистом», получил 7 лет лишения свободы, из которых отсидел только 2 года. События восстания шахтеров в Коул-Крик нашли отражение в песенном фольклоре региона Аппалачи (музыкальный стиль кантри). Итогом войны в Коул-Крик стало завершение политической карьеры губернатора Бьюкенена, проигравшего выборы демократу Питеру Терни, который подписал в апреле 1893 г. один из первых в южных штатах закон, отменивший практику сдачи в аренду заключенных (с 1 января 1896 г.). Для заключенных была построена тюрьма за счет средств штата и организована их работа на новой угольной шахте, построенной на специально приобретенном штатом для этого участке земли [4].

Иллинойсские рудниковые войны 1898–1900 гг. были омрачены расовым конфликтом. Угольные компании в центральной части штата Иллинойс не признавали права профсоюза – Объединенного союза горняков Америки (United Mine Workers of America, UMW, UMWA), в который входили не только местные белые, но и небольшое количество черных рабочих. Владельцы шахт стремились нанимать на работу не состоявших в профсоюзах трудящихся, отдавая предпочтение афроамериканцам с Юга, чтобы платить им значительно сниженную заработную плату. Одним из важных эпизодов этого трудового конфликта была «битва (или резня) в городе Вирден», также известная как «бунт на шахте Вирдена» 12 октября 1898 г. [16] Вирден расположен в 25 милях от Спрингфилда – столицы Иллинойса. На его территории имелись большие месторождения угля. В небольшом городке с населением 2,3 тыс. чел. находилась 21 угольная шахта. Осенью 1898 г. начался конфликт между профсоюзом и работодателями. Вооруженные забастовщики атаковали вагоны прибывшего из штата Алабама поезда, в котором находились нанятые угольной компанией более 100 афроамериканцев-штрейкбрехеров, а также их жены и дети. Произошла перестрелка с охранниками, бывшими полицейскими из города Чикаго и детективами из агентства Тиля, вооруженными винчестерами. В ее ходе были убиты со стороны рабочих 8 чел., ранены – 30 чел., со стороны охраны – убиты 5 чел., ранены – 5 чел., а также были ранены несколько штрейкбрехеров. Впоследствии несостоявшиеся рабочие-афроамериканцы при поддержке мэра Спрингфилда были выдворены обратно в Алабаму [5]. В Вирден и прилегающие районы была введена милиция штата. Возбуждено расследование действий стачечников и владельцев шахт, но обвинительные приговоры не были вынесены.

Похожий бунт произошел в небольшом шахтерском городе Пана в центральной части Иллинойса (получивший также известность как «резня в Пана»). В Пана с населением около 5,5 тыс. чел. было 4 шахты, но почти год на них происходила забастовка шахтеров-членов профсоюза горняков. Владельцам шахт удалось завезти (преимущественно из Алабамы и частично из Джорджии) около 300 штрейкбрехеров-афроамериканцев и возобновить с их помощью добычу угля. В начале 1899 г. черные штрейкбрехеры-угольщики создали собственный

профсоюз – Афро-англо-американскую ассоциацию взаимопомощи (Afro-Anglo Mutual Association, AAMA) во главе с Генри Стивенсом. Для предотвращения возможного насилия по приказу губернатора в городе были размещены подразделения милиции (ополчения) штата. 10 апреля 1899 г. после вывода солдат милиции между черными и белыми шахтерами произошла перестрелка, и после этого город охватил хаос. Погибли 2 белых горняка и 5 черных шахтеров. Были также ранены 6 штрейкбрехеров. 11 апреля 1899 г. правительственные войска восстановили порядок. В конце июня 1899 г. все шахты в городе Пана были временно закрыты, но спустя несколько месяцев вновь открылись. Владельцы шахт пришли к соглашению с профсоюзными активистами, по которому на местных предприятиях отныне могли трудиться только члены профсоюза горняков. За этот кровавый инцидент никто из участников не был привлечен к юридической ответственности. Исключение составил лидер профсоюза афроамериканцев Генри Стивенс, который был признан виновным в нападении на членов официального профсоюза и отсидел один год в тюрьме. Большинство черных шахтеров вынуждены были уехать в штат Канзас, где многие из них были наняты на работу на шахту, чтобы подавить происходившую на ней забастовку местных горняков.

Позднее аналогичные трудовые и одновременно расовые конфликты произошли в двух населенных пунктах южного Иллинойса. В небольшом поселке Лаудер 30 июня 1899 г. подверглись нападению шахтеры-афроамериканцы, ехавшие на поезде из Пана на Юг. В результате погибла женщина и были ранены 12 чел. В Картервилле с населением 1,7 тыс. чел. 17 сентября 1899 г. в ходе беспорядков были убиты 5 горняков-афроамериканцев, не входивших в профсоюзы. На судебном процессе присяжные оправдали всех обвиняемых в этих нападениях и убийствах. Насилие на расовой почве продолжалось и в последующие годы. В конечном итоге в начале XX в. почти все чернокожие шахтеры были изгнаны за пределы угледобывающих районов Иллинойса.

Антрацитовая забастовка пенсильванских шахтеров 1902 г., продолжавшаяся около полугода, обошлась малыми жертвами. Угольщики требовали повышения зарплаты, сокращения рабочего дня и легализации профсоюза – Объединенного союза горняков Америки (UMWA), входившего в главный профцентр США – Американскую федерацию труда (АФТ). Этот профсоюз возник в 1890 г. на основе слияния различных рабочих организаций, включая одну из групп «Рыцарей Труда». Численность членов UMWA увеличилась после успешных забастовок с 10 тыс. чел. до 115 тыс. чел. к 1900 г. Пика своего влияния профсоюз UMWA достиг в 1930-е гг., насчитывая 800 тыс. членов. Поддерживал «Новый курс» Ф.Д. Рузвельта. Антрацитовая забастовка была примечательна тем, что впервые в американской истории в прямых переговорах со стачечниками участвовала федеральная власть в лице президента США. Забастовщики добились удовлетворения своих основных требований, исключая официальное признание профсоюза UMWA.

«Угольные войны» в Западной Вирджинии начались с забастовки в горнодобывающем районе Пейнт-Крик – Кэбин-Крик (округ Канова) 18 апреля 1912 г. [15] Почти половина из 7,5 тыс. горняков на 96 шахтах района были объединены в профсоюз, связанный с UMWA. Главными требованиями шахтеров стали: увеличение зарплаты, улучшение условий жизни и признание профсоюза. В течение 1 месяца забастовка проходила без насилия, но владельцы шахт наняли в мае 1912 г. около 300 вооруженных сотрудников частного детективного агентства Болдуина-Фелтса, которые начали выселять семьи рабочих из арендованных домов и завозить на предприятия штрейкбрехеров. Выселенные рабочие и их семьи обосновались во временном палаточном городке. Летом 1912 г. перестрелки и диверсии превратились в обыденность. 26 июля 1912 г. в ходе перестрелки погибли 12 стачечников и 4 охранника. К 1 сентября 1912 г. забастовке присоединились все горняки района. 2 сентября 1912 г. губернатор

штата ввел военное положение и направил 1,2 тыс. солдат для пресечения беспорядков. Начали работать военные суды. В последующие месяцы военное положение несколько раз вводилось и отменялось. Но столкновения продолжились. Прошли демонстрации женщин. В феврале 1913 г. шериф округа вместе с группой детективов атаковали один из шахтерских поселков, используя бронепоезд, и застрелили из пулемета одного горняка. В ответ шахтеры повредили железную дорогу и осуществили вооруженный налет на одно из поселений округа Канова, убив 2-х оппонентов. По некоторым оценкам в ходе конфликта погибли не менее 50 чел. Весной – летом 1913 г. новый губернатор штата Западная Вирджиния предпринял усилия по урегулированию конфликта. Он освободил из-под ареста около 30 чел. и предложил шахтерам приемлемые предложения по разрешению ситуации, угрожая в случае отказа депортацией несогласных из штата. В конце июля 1913 г. сопротивление горняков прекратилось. Данные события привлекли внимание всей страны и нашли отражение на страницах американской прессы. Конгресс провел расследование условий жизни и труда горняков, пытаясь найти ответ на причины чрезвычайно высокой смертности на шахтах.

Но забастовки продолжились. Серьезный конфликт возник на угольных месторождениях в северной части штата Колорадо в 1913–1914 гг. (Colorado Coalfield War) [9, p. 140–160]. Среди горняков было много иммигрантов (греков, итальянцев, ирландцев, мексиканцев и др.). Принадлежавшая семейству Рокфеллеров компания «Colorado Fuel and Iron Company» выселила около 20 тыс. членов семей бастующих, вынужденных ютиться в 8 палаточных городках (палатки были закуплены на средства профсоюза UMWA). Бизнесмены привлекли для подавления волнений штрейкбрехеров и наемных детективов из агентства «Болдуин – Фелтс», участвовавших ранее в подавлении стачек в Западной Вирджинии. Интересно, что агентство владело бронеавтомобилем, вооруженным пулеметом. Десятки детективов были назначены шерифами округов. Под начальством детективного агентства находилась и охрана шахт. Введенная в район восстания национальная гвардия состояла преимущественно из новобранцев, которые были ранее охранниками на шахтах и штрейкбрехерами. Она выполняла де-факто функции частной армии (ЧВК) владельцев угледобывающих предприятий. Торговцы оружием в Колорадо продавали обеим сторонам конфликта огнестрельное оружие и взрывчатые вещества. После нескольких месяцев столкновений 20 апреля 1914 г. произошла «резня в городе Ладлоу» (Ludlow Massacre) [9, p. 232–255]. Массовое убийство осуществили ополченцы (национальные гвардейцы) и наемники, которые обстреляли и сожгли палаточный лагерь бастующих горняков. Всего погиб 21 чел., в том числе 2 женщины и 12 детей. В ответ вооруженные шахтеры в конце апреля 1914 г. атаковали несколько шахт и шахтерских поселков в центральной и южной частях Колорадо, уничтожая имущество шахтовладельцев, вступая в бой с охраной и национальной гвардией штата. Эти события, вошедшие в историю как «Десятидневная война», привели к гибели еще 54 чел. Они завершились вводом в штат 1,6 тыс. солдат федеральной армии, положившим конец беспорядкам [9, p. 256–276].

В Западной Вирджинии «угольные войны» вспыхнули с новой силой в 1920–1921 гг. Этот трудовой конфликт также получил название «война реднеков» (т.е. «красношеих») – «Redneck War» [14]. Восставшие шахтеры в угледобывающих районах Западной Вирджинии, Кентукки и Пенсильвании часто в 1910–1930-е гг. в знак солидарности повязывали на шеи платки красного цвета. Красный платок был частью «униформы» горняка-повстанца. Он не только использовался для идентификации забастовщиков, но также помогал объединить группу [2]. Весной 1920 г. Объединенный профсоюз горняков (UMW, UMWA) предпринял усилия по объединению шахтеров Западной Вирджинии в профсоюз. Угледобывающие компании «Stone Mountain Coal Company» и «Burnwell Coal and Coke Company» противостояли этим усилиям. 22–23 апреля 1920 г. около 300 горняков в небольшом городе Мэтуон (где

проживало 851 чел.) (округ Минго) присоединились к UMW. Впоследствии к профсоюзу в этом районе примкнули еще около 3 тыс. чел. В ответ угольная компания уволила всех горняков, поддерживавших профсоюзы, и дала им 3 дня на то, чтобы покинуть дома, ей принадлежащие. Незаконное выселение шахтеров членами детективного агентства Болдуина – Фелтса привело к аресту 27 апреля 1920 г. местными властями, выступившими на стороне стачечников, одного из его руководителей Альберта Фелтса. Детективное агентство Болдуина – Фелтса получили известность в стране своим применением насилия в отношении рабочих, стремившихся объединиться в профсоюзы. Оно также принимало участие в резне в Ладлоу в штате Колорадо в 1914 г. Агенты даже пытались подкупить мэра Мэтуона Кейбла Тестермана, предлагая ему 500 долл. за согласие на размещение пулеметов на крышах городских домов. Мэр отказался. Он получил поддержку местного шерифа Сида Хэтфилда – уроженца одного из местных шахтерских поселков. В мае 1920 г. в Мэтуоне 13 агентов-детективов, угрожая огнестрельным оружием, вновь приступили к выселению семей горняков из домов, принадлежавших угольной компании. В ответ шахтеры из окрестных поселков начали вооружаться и стекаться в город, ожидая возникновения более крупного конфликта. Профсоюз UMW организовал палаточный лагерь для выселенных семей шахтеров [10; 11; 15].

19 мая 1920 г. произошла «битва в Мэтуоне» [1]. Детективы агентства «Болдуин – Фелтс», направлявшиеся на железнодорожный вокзал Мэтуона, были атакованы вооруженными шахтерами, среди которых находились упомянутые выше мэр Тестерман и начальник полиции Хэтфилд со своими помощниками. В результате перестрелки между горняками и детективами погибли 10 чел.: мэр Тестерман, 2 шахтера и 7 агентов. Среди погибших были Альберт и Ли Фелтсы, младшие братья одного из основателей, совладельца и директора частного детективного агентства Томаса Фелтса. Символическое значение этой перестрелки было огромным для шахтеров, которые нанесли поражение считавшемуся непобедимым детективному агентству. Горняки становились более радикальными и активнее вступали в профсоюз. «Резня в Мэтуоне» ухудшила и без того напряженные отношения между рабочими и горнодобывающими компаниями. Сид Хэтфилд превратился в народную легенду Аппалачей и мифический образ героя горняков-угольщиков. По данным кровавым событиям был снят в 1987 г. американский исторический художественный фильм «Мэтуон» (номинированный на премию «Оскар» в 1988 г.).

Определенное значение имело участие в этих событиях 83-х-летней «Матушки (Мамаши) Джонс» (Мэри Харрис Джонс, 1837–1930). Она являлась одним из лидеров и организаторов американского профсоюзного движения изучаемой эпохи. Участвовала в описанных выше волнениях рабочих угольной промышленности в Западной Вирджинии в 1912–1913 гг. Мамаша Джонс была выдающимся оратором, убеждавшим шахтеров вступать в профсоюзы и поддерживавшим забастовки. Вела борьбу против использования детского труда на производстве. Неоднократно арестовывалась властями. Получила известность в США как «бабушка всех агитаторов» и «самая опасная женщина Америки».

Летом 1920 г. перестрелки между бастующими шахтерами и наемниками владельцев шахт продолжились. В конце июня 1920 г. полиция штата по указанию местных бизнесменов осуществила налет на палаточный городок выселенных из своих жилищ семей горняков. Полицейские уничтожили палаточный лагерь, арестовала некоторых шахтеров. В ходе произошедшей перестрелки были убитые и раненые. Шахтеры накапливали оружие и готовились к продолжению борьбы. Начавшийся в январе 1921 г. суд, привлекший внимание страны, оправдал Хэтфилда и участвовавших в перестрелке шахтеров. Но работодателям удалось договориться с частью забастовщиков и привезти штрейкбрехеров, что привело к возобновлению работы 80% угольных шахт. Но в середине мая 1921 г. произошла «Трехдневная битва»:

члены профсоюза угольщиков совершали нападения на шахты, которые не примкнули к профсоюзу. В итоге сотни горняков были арестованы. Эти события закончились введением военного положения и установлением перемирия. Но саботаж и партизанские действия со стороны горняков продолжились. 1 августа 1921 г. Хэтфилд в сопровождении своего лучшего друга и их жен отправился в округ Макдауэлл. Он должен был предстать перед новым судом по обвинению в подрыве угольного самосвала. На глазах у родственников возле здания безоружные Хэтфилд и его друг были расстреляны детективами агентства «Болдуин – Фелтс». Эти подлые убийства привели к серьезному возмущению в угледобывающих округах Западной Вирджинии. Шахтеры организовали патрулирование и охрану поселков и районов своего проживания для противодействия провокаторам и диверсантам. Однажды им удалось разоружить группу солдат. 7 августа 1921 г. руководители профсоюза шахтеров (UMW) провели митинг возле Капитолия (здания, где заседала легислатура штата) в городе Чарлстон – столице штат Западная Вирджиния. Губернатор встретился с ними, но отверг все требования горняков. В ответ шахтеры начали готовить марш через округ Логан на округ Минго, чтобы освободить заключенных горняков и отменить военное положение.

20 августа 1921 г. началось вооруженное восстание шахтеров. Кульминацией событий стала «битва у горы Блэр». Около 13 тыс. шахтеров начали поход на город Логан с целью освобождения своих товарищей, находившихся под арестом. Владельцы шахт смогли создать частную армию, состоявшую из полицейских, детективов и наемников численностью около 2 тыс. чел. Ее бойцы закрепились на господствующей над городом высоте – горе Блэр. 24 августа 1921 г. тысячи вооруженных шахтеров подошли к Логану. 25 августа – 2 сентября 1921 г. произошла знаменитая «битва у горы Блэр». Горняки предприняли несколько кровопролитных штурмов горной вершины. Ими были вырыты даже окопы и созданы пулеметные гнезда. Владельцы шахт наняли частные аэропланы, которые сбросили бомбы на позиции горняков. По приказу президента США Уоррена Гардинга в конфликт вмешались федеральные войска. Многие протестующие не желали вступать в бой с правительственной армией, поскольку ранее вместе с солдатами-ветеранами проходили военную службу в период Первой мировой войны. Часть оружия шахтеры сдали властям, но часть ружей и боеприпасов спрятали в местных лесах и среди скал. С обеих сторон по разным данным погибло от 63 до 133 чел. «Марш шахтеров» закончился неудачей, поскольку федеральное правительство встало на сторону предпринимателей и привлекло к суду более 1,2 тыс. рабочих по обвинению в государственной измене, убийстве и покушении на убийство. Основная их часть была приговорена к различным тюремным срокам. Фактический руководитель восстания, командующий армией горняков профсоюзный лидер Уильям Х. Близзард (1892–1958) был оправдан на судебном процессе. После этих кровавых событий протестное движение шахтеров в Западной Вирджинии резко пошло на спад, численность членов профсоюзов сократилась в 5 раз. Но восстание шахтеров 1921 г. способствовало оживлению профсоюзного и рабочего движения в других регионах США. Общественное мнение в стране начало склоняться на сторону трудящихся, их проблем и интересов.

Во время общенациональной стачки шахтеров 21–22 июня 1922 г. произошла «резня в Херрине» (Иллинойс), где работодатели нарушили соглашение с профсоюзом UMW [12, p. 3–6; 13]. Владельцы шахты возобновили угледобычу, наняв около 50 штрейкбрехеров из Чикаго (среди которых было много афроамериканцев) и агрессивно настроенных охранников, вооруженных пулеметами. Бастовавшие рабочие окружили шахту, начали ее обстреливать, блокировали охрану и штрейкбрехеров, перерезали телефонный кабель. Толпа уничтожила оборудование, механизмы и машины, используя молотки, лопаты и динамит (это делалось для предотвращения возможного возобновления работ на шахте). В ходе боестолкновений были

убиты 3 горняка – члены профсоюза. Сдавшиеся 19 штрейкбрехеров и начальник шахты были зверски убиты горняками (их расстреливали, вешали, толпой забивали насмерть, а некоторым из них шахтеры даже перерезали горло перочинным ножом). Впоследствии скончался от ран еще 1 штрейкбрехер. Они были захоронены в безымянных братских могилах, обнаруженных исследовательской группой американских историков в 2013–2015 гг. Общественное мнение и местные власти симпатизировали профсоюзу угольщиков, поэтому судебные процессы в 1922–1923 гг. над забастовщиками-мятежниками привели лишь к оправдательным приговорам. Итогом этих событий стало создание в сентябре 1922 г. Федерального дистрибьютора угля и Федеральной угольной комиссии, которую возглавил бывший вице-президент США. Это федеральное агентство действовало в течение 1 года, но реальных улучшений в угледобывающую сферу не внесло.

Война в округе Харлан в восточной части штата Кентукки (горный регион Южные Аппалачи) продолжалась почти 10 лет в разгар серьезного экономического кризиса в США – «Великой депрессии» 1930-х гг. Это был относительно изолированный, отсталый и небогатый горный район [6, p. 1–2]. Борьба за политический контроль над округом и его угледобывающими предприятиями шла с переменным успехом. Произошла серия демонстраций, забастовок, нападений на штрейкбрехеров, вооруженных стычек, взрывов бомб, неподсчитанное до конца количество убийств активистов-профсоюзных организаторов, чиновников, представителей силовых структур. Несколько раз в период противостояния 1931–1939 гг. в округ для подавления беспорядков вводилась национальная гвардия штата и федеральные войска.

Волнения начались после 16 февраля 1931 г., когда владельцы угольных шахт округа Харлан для увеличения прибыли снизили заработную плату горняков на 10% [6, p. 11]. В первой забастовке участвовали 5,8 тыс. шахтеров. Частные охранники шахт во главе с местным шерифом охраняли 900 работавших штрейкбрехеров. Наиболее значимым эпизодом войны в округе Харлан стала «битва при Эвартсе» 5 мая 1931 г., сыгравшая важную роль в «угольных войнах». Шахтерский городок Эвартс с населением 1,4 тыс. чел. находился в центре угледобывающего округа. Вооруженные забастовщики обстреляли автоколонну из 3-х автомобилей с сотрудниками правоохранительных органов, которая перевозила грузы для штрейкбрехеров. Возле железнодорожных путей в результате 15-тиминутной перестрелки (было произведено около 1 тыс. выстрелов) погибли 3 помощника шерифа и 1 шахтер-член профсоюза. В охваченный мятежом округ была введена национальная гвардия Кентукки. Более 1 месяца продолжались пикеты и митинги, один из которых был разогнан с применением слезоточивого газа. Но владельцы шахт не пошли на уступки и первоначально стачки потерпели поражение. 17 июня 1931 г. все работники шахт вернулись на свои рабочие места. По решению суда впоследствии 8 шахтеров были приговорены к пожизненному заключению за участие в заговоре с целью убийства.

Изначально шахтеров в округе пытался организовать Объединенный союз горняков Америки (UMWA), но после первых неудач членство в нем резко сократилось. Впоследствии объединить рабочих стремился более малочисленный, но энергичный прокоммунистический профсоюз – Национальный союз горняков (National Miners Union, NMU). Коммунисты открыли в округе бесплатные столовые для бедных семей шахтеров, но попытки организовать новые забастовки в 1931–1932 гг. закончились провалом. Местные профсоюзные организаторы, многие из которых были представителями духовенства, осудили коммунистический профцентр. Один из активистов Молодежной коммунистической лиги США (Young Communist League USA, YCLUSA) Гарри Симмс был убит в округе Харлан. В 1935 г. в результате взрыва бомбы погиб окружной прокурор Элмон Миддлтон. 7 июля 1935 г. агенты угольных компаний и охранники шахт жестко разогнали митинг горняков, связанный с

празднованием принятия Закона Вагнера Конгрессом США. «Новый курс» Рузвельта способствовал федеральному вмешательству в дела округа Харлан. Один раз в декабре 1934 г. и трижды в 1935 г. национальная гвардия и войска вводились в округ для поддержания правопорядка. После 1935 г. насилие пошло на спад. За почти десятилетний период противостояния погибло не менее 13 чел. с обеих сторон. В конечном итоге в округе Харлан образовались и были легализованы профсоюзные организации, а положение рабочих улучшилось [6, p. 14–17].

«Угольные войны» в Америке (1890–1939 гг.) – значимый социальный конфликт в истории страны. События, связанные с «битвой у горы Блэр», являлись крупнейшим вооруженным восстанием рабочих в истории США. Но этот конфликт, тем не менее, оказался почти забытым. Интерес к нему появился только в 1990–2000-е гг., когда были изданы несколько значимых монографий по данной теме. Незаконная сверхэксплуатация рабочих горнодобывающей промышленности и многолетнее нарушение их прав шахтовладельцами при поддержке коррумпированных региональных властей приводили к политическому радикализму. Нередко протест угольщиков приобретал форму саботажа, партизанских действий и террористической войны, наиболее ярко проявившихся в восстаниях «гордых горцев» –шахтеров Аппалачей. Как правило, только вмешательство федеральных властей и федеральных войск заставляло забастовщиков сложить оружие и прекратить необъявленную гражданскую войну. «Шахтерские войны» свидетельствовали о серьезном кризисе производственных отношений и методов управления в американской угледобывающей промышленности рассматриваемой эпохи. В большинстве случаев в ходе трудовых конфликтов владельцы шахт шли на уступки бастующим горнякам, улучшая их условия труда и быта, соглашаясь повысить зарплату и признать профсоюзы.

Библиографический список

1. Bailey R. Matewan Before the Massacre: Politice, Coal, and the Roots of Conflict in a West Virginia Mining Community. Morgantown, WV, 2008. – 224 p.
2. Blair Mountain reenactment society. A site dedicated to the miners of the West Virginia 1920–1921 [Electronic resource]. – Mode of access: https://blairmountainreenactment.wordpress.com/tag/redneck-war/.– Date of access: 15.06.2023.
3. Corbin D. Gun Thugs, Rednecks, and Radicals: A Documentary History of the West Virginia Mine Wars. Oakland, CA, 2011. – 275 p.
4. Daniel P. The Tennessee Convict War // Tennessee Historical Quarterly. 1975. Fall. Vol. 34. № 3. P. 273–292.
5. Gallie D. Virden, Illinois Race Riot (1898) [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.blackpast.org/african-american-history/virden-illinois-race-riot-1898/.– Date of access: 20.06.2023.
6. Hevener J.W. Which side are you on?: The Harlan County coal miners, 1931–1939. Urbana, 1978. – 216 p.
7. Lewis R.L. Black Coal Miners in America. Race, Class, and Community Conflict, 1780-1980. Lexington, Ky., 1987. – 239 p.
8. Martin R. Coal Wars: The Future of Energy and the Fate of the Planet. N.Y., 2015. – 274 p.
9. Munsell F.D. From Redstone to Ludlow: John Cleveland Osgood's Struggle against the United Mine Workers of America. Denver, CO. – 392 p.
10. Savage L. Thunder in the Mountains: The West Virginia Mine War, 1920–1921. Pittsburgh, 1990. – 195 p.
11. Shogan R. The Battle of Blair Mountain: The Story of America's Largest Union Uprising. Boulder, CO, 2004. – 296 p.

12. The anthracite strike of 1922, a chronological statement of the communications and negotiations between the hard coal operators and the United Mine Workers of America. Philadelphia, Pa., 1922. – 15 p.
13. The Herrin Massacre, Illinois, 1922 [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.wsws.org/ru/articles/2022/04/04/twh4-a04.html.– Date of access: 18.06.2023.
14. The Red Neck War [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.economicpopulist.org/content/red-neck-war.– Date of access: 17.06.2023.
15. The West Virginia Mine Wars: An Anthology / Edited by D. Corbin. Martinsburg, WV, 1998. – 165 p.
16. Virden, Illinois and the Coal Mine Wars [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.legendsofamerica.com/il-virden/.– Date of access: 20.06.2023.

Приложения

Рис. 1. Город Мэтуон (штат Западная Вирджиния). Место перестрелки, в результате которой погибли несколько детективов агентства Болдуина – Фелтса. Источник: Ten Intense Events from the Real War on Coal- America's Most Dangerous Industry Larry Holzwarth – December 8, 2017. URL:https://historycollection.com/ten-intense-events-real-war-coal-americas-dangerous-industry/8/

Рис. 2. Горняки собираются на железнодорожных путях в Вирдене (штат Иллинойс) 12 октября 1898 г., чтобы встретить прибывающий поезд со штрейкбрехерами. Источник: URL:https://en.wikipedia.org/wiki/Illinois_coal_wars#/media/File:Battle_of_Virden_Illinois_1898.jpg

Рис. 3. Город Пана и станция на его территории на пересечении железных дорог Балтимор–Огайо и Чикаго–Восточный Иллинойс. 1913 г. Источник: Reid J.A. Pana, Illinois: some luminous phases of its every-day life, present activities and future possibilities: a graphic sketch of a thriving city located on the lines of four transcontinental railroads, with water and coal, and all modern facilities requisite for the biggest of «big business». Pana (Ill.), 1913. P. 12; URL:https://en.wikipedia.org/wiki/Pana,_Illinois#/media/File:Pana,_Illinois_(1913).jpg

Рис. 4. Шахтеры ведут огонь по форту Андерсон со склона холма во время войны в районе Коул-Крик (1891–1892 гг.) в западной части округа Андерсон (штат Теннесси). Источник: URL:https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015014126026;view=1up;seq=805

Рис. 5. Вооруженные винтовками горняки в городе Эскдейл (штат Западная Вирджиния) во время забастовки в Пейнт-Крик – Кэбин-Крик в 1912–1913 гг. Источник: URL:https://en.wikipedia.org/wiki/Paint_Creek%E2%80%93Cabin_Creek_strike_of_1912#/media/File:Miners_with_guns_in_Eskdale.png

Рис. 6. Шахтеры готовятся противостоять федеральным войскам во время забастовки рабочих профсоюза UMW (район города Тринидад, округ Лос-Анимас, юг штата Колорадо). Они вооружены винтовками и пистолетами. На некоторых надеты платки в знак поддержки забастовки. Вооруженные забастовщики заняли некоторые города во время «Десятидневной войны», являвшейся частью Колорадской угольной войны в апреле 1914 г. Источник: Strikers at San Raphael // URL:https://digital.denverlibrary.org/digital/collection/p15330coll22/id/35178/rec/24

Рис. 7. Вооруженные забастовщики в палаточной колонии Ладлоу во время Колорадской угольной войны 1913–1914 гг. Источник: Ludlow strikers // URL:https://digital.denverlibrary.org/digital/collection/p15330coll22/id/88932/rec/28

Рис. 8. Колорадский национальный гвардеец лежит мертвым на железнодорожных путях в округе Лас-Анимас, убитый во время «Десятидневной войны» в штате Колорадо. Рядом стоят вооруженные забастовщики. Апрель 1914 г. Источник: URL:https://en.wikipedia.org/wiki/Colorado_Coalfield_War#/media/File:Dead_National_Guardsman,_Las_Animas_County,_April_1914.png

Рис. 9–10. Шахтеры сдают оружие федеральным войскам после «битвы у горы Блэр». Западная Вирджиния. 1921 г. Источник: URL:https://libcom.org/gallery/battle-blair-mountain-1921-photo-gallery https://www.youtube.com/watch?v=YBAKGvOV6_k

Рис. 11. Пулеметное гнездо забастовщиков Западной Вирджинии. 1921 г.

Рис. 12. Стачечник в Западной Вирджинии. 1921 г. Источник: URL:https://libcom.org/gallery/battle-blair-mountain-1921-photo=gallery; URL:https://www.youtube.com/watch?v=YBAKGvOV6_k

Рис. 13. Два шахтера – члены профсоюза с пулеметом на позициях. Район горы Блэр. Западная Вирджиния. 1921 г. Источник: URL:https://en.wikipedia.org/wiki/Battle_of_Blair_Mountain#/media/File:Blair-machine-gun-nest_0.jpg

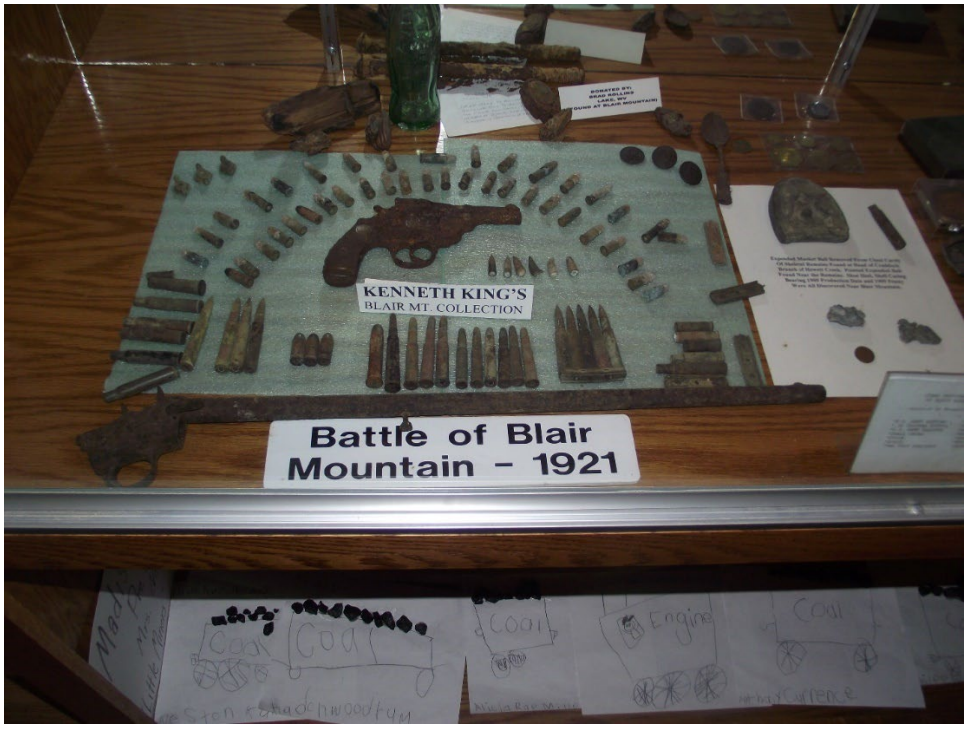

Рис. 14. Кеннет Кинг, современный американский археолог и исследователь мест боестолкновений возле горы Блэр, собрал множество артефактов из этих мест (ложки, пуговицы, бутылка кока-колы, пули, гильзы, револьверы и т.п.). В наши дни они выставлены в Музее угля в бывшем шахтерском поселке Мадисон (штат Западная Вирджиния).Источник: URL:https://blairmountainreenactment.files.wordpress.com/2011/04/dscf0056.jpg

Рис. 15. Солдаты штыками сдерживают пикетчиков в период кровавой угольной войны в округе Харлан в 1930-е гг. Источник: URL:http://freepages.genealogy.rootsweb.ancestry.com/~kykinfolks/bayonets2.jpg

Сведения об авторе:
Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: bgu.fiimo.kafedra29@yandex.ru

УДК 942.080.1

А.В. Сагимбаев

Концепции социальной модернизации колониальной периферии в британском политическом дискурсе межвоенного периода

Аннотация: *В статье предпринимается попытка анализа некоторых аспектов стратегии британского руководства в области модернизации отдельных элементов развития колониальной периферии. Отдельное внимание при этом уделяется планированию преобразований, касающихся социальной сферы жизни колониальных обществ*
Ключевые слова: *Колониальная политика Великобритании, социальная модернизация, политические дискуссии*

Sagimbayev A.V. Concepts of social modernization of the colonial periphery in the British political discourse of the Interwar period

Abstract: *The article attempts to analyze some aspects of the strategy of the British leadership in the field of modernization of individual elements of the development of the colonial periphery. Special attention is paid to the planning of transformations concerning the social sphere of life of colonial societies*
Keywords: *Colonial policy of Great Britain, social modernization, political discussions*

Колониальная политика, как и внешнеполитическая проблематика, длительное время находились на периферии идеологических интересов лейбористов. Однако, по мере роста политического веса партии, возникла необходимость в формировании её чёткой позиции по широкому кругу проблем, с которыми после завершения Великой войны столкнулась Британская империя. В связи с этим лейбористы выступили с активной критикой прежнего курса консервативной партии, основанного на идее империалистической экспансии [11, p. 167]. Данная позиция основывалась на сочетании идей пацифизма и социального реформизма, предполагавшего переориентацию большей части государственных расходов на решение внутренних проблем Великобритании [1, л. 8-9]. Так, в одном из партийных манифестов, выпущенных в период предвыборной компании 1922 г., позиция по колониальным вопросам, нашедшая отражение в шестом пункте документа, названном «Ирландия, Индия, Египет и народы Востока», формулировалась достаточно лаконично: «Народы данных стран, страдающие в настоящие момент… от Британского империализма, получат нашу полную поддержку в их усилиях по достижению независимости» [1, л. 6]. Одновременно подвергалась критике чрезмерная милитаризация международных отношения, являвшаяся, по мнению лейбористов, одним из очевидных проявлений «капиталистического империализма» [1, л. 7].

В то же время, в руководстве Лейбористской партии преобладающие позиции заняли сторонники фабианской концепции «социалистического империализма», в основе которой лежал тезис об особой «цивилизаторской» миссии Великобритании и её ответственности за социально-экономическое развитие своих владений. Приверженцы данного подхода выступали за трансформацию британской колониальной системы в «Социалистическое Содружество», в рамках которого капиталистическая эксплуатация будет заменена сотрудничеством и протекционистским отношением британских властей к местному населению [13, p.130].

Сформулированная в работах партийных деятелей концепция колониальной стратегии включала два основных аспекта. Первый из них был связан с представлением о неравенстве различных рас, рассматривавшемся как основной источник проблем и сложностей в отношениях между различными слоями и группами колониальных подданных. Глубокие расовые, этноконфессиональные и социальные противоречия, существующие в азиатских и африканских

социумах, в соответствии с данной точкой зрения, могли быть разрешены исключительно путём вмешательства компетентных представителей метрополии [16, p. 102]. Второй компонент предполагал принятие комплекса мер по продвижению колоний к более самостоятельному политическому статусу, отвечающих критерию моральной ответственности и социальных обязательств метрополии в отношении населения британских владений. Для реализации этих целей считалось необходимым активное использование новых технологий колониального правления, британской экономической практики и научного опыта, а также методов социального и культурного развития.

Колониальная политика, кроме того, предполагала реализацию мер по «образованию местных племён с целью их подготовки к тому, чтобы они, в качестве свободных людей, заняли достойное место в экономической и политической системе, установленной европейцами» [16, p. 102]. Задача Лейбористской партии, в этих условиях, как подчёркивалось в одном из партийных памфлетов, состояла в том, чтобы обеспечить жителям британских владений доступность обучения и получения знаний, «которые позволят им приспособиться к новым социальным, политическим и экономическим условиям, устанавливаемым британским правлением» [16, p. 112].

Корректировка политической линии коснулась и колониальной стратегии. В 1929 г. лейбористы инициировали принятие британским парламентом «Акта о колониальном развитии» (Colonial Development Act) [7, p. 46], предполагавшего определённые меры по экономической поддержке колоний, а также шаги по расширению их самостоятельности. В документе предусматривалась, в том числе, и возможность предоставления Индии статуса доминиона [10, p.246].

В начале февраля 1933 г. был опубликован важный партийный документ, получивший название «Заметки Консультативного комитета Лейбористской партии по имперским вопросам» [7, p. 61]. Данная задача предполагала «развитие гражданских институтов, судебной системы, образования, обеспечение равенства возможностей и создание политических органов, которые будут поощрять социальный и экономический прогресс» [10, p.248]. Колониальные владения, по мнению авторов документов, должны были стать одним из полигонов для апробации партийных принципов социального реформизма. Как отмечал в одном из выступлений Л. Вулф, «нет более обещающего и, в то же время, более запущенного поля для быстрого развития социализма, чем Азия и Африка, опыт которых позволит эффективнее осуществить реформы в самой метрополии» [7, p. 61].

В данном контексте программные установки лейбористов предполагали существенный пересмотр традиционных социокультурных установок британской колониальной политики. Единственный способ достижения колониями Великобритании независимого политического статуса партийные идеологи видели в длительном приобщении туземного населения к европейским экономическим, политическим и социальным ценностям.

В развитие базовых партийных установок, представителями Лейбористской партии в данный период были разработаны конкретные проекты «социализации» экономики африканских колоний, предполагавшие развитие различных форм сельскохозяйственной кооперации, создание системы доступного кредитования и поддержку местной промышленности. Развитие приоритетных направлений экономики колоний, в частности, инфраструктурных отраслей и добычи полезных ископаемых, рассматривалось в них в качестве важнейшей задачи колониальной администрации.

Предполагалось, что эти меры должны будут способствовать эффективному освоению природных ресурсов, формированию экспортно-ориентированной экономики и постепенному преодолению бедности основной массы колониального населения. Реализация этих планов, с

одной стороны, соотносилась с преобладавшими в тот момент в британском обществе либеральными настроениями, а с другой, - должна была способствовать сохранению контроля над ресурсами колоний и облегчению задачи структурной перестройки экономики самой метрополии [3, p.106].

Африканские колонии, по мнению лейбористских идеологов, являлись идеальной моделью для апробации различных методик экономического и социального планирования. При этом в развитии их экономики должны были в обязательном порядке учитываться «ошибки, выявленных европейским опытом» [3, p.106].

Основным средством в реализации данной цели должно было стать развитие системы образования. «Только с помощью обучения, в том числе и в Англии, - подчёркивал Л. Вулф, - африканцы смогут выйти из отсталого состояния» [3, p.106]. С этой целью он предполагал направить в африканские колонии на короткий срок британских тьютеров для инструктирования и создания учительских колледжей, а также открытия преподавательских программ. Школьные курсы должны были сочетать определённую вариативность с необходимостью соблюдения критериев обучения «либеральному искусству» [3, p.80-81]. Они должны «формировать у туземных детей знания, необходимые для понимания и интеллектуальной адаптации к новым условиям, которые создаёт для них западная цивилизация» [3, p.86].

Расширение системы среднего образования, увеличение числа технических школ и институтов, по мнению Л. Вулфа, создаст важные предпосылки для развития местной англоизированной элиты, представленной высококвалифицированными рабочими, учителями, инженерами, работниками системы здравоохранения и органов местного самоуправления. Таким образом, единственным способом освобождения от колониальной зависимости, согласно его мнению, являлось усвоение африканцами британского культурного и интеллектуального опыта [6, p. 664].

Одним из важных положений «социал-империалистической» концепции, окончательно оформившейся в межвоенный период, явилась идея активного перехода к социальному реформизму, предполагавшему улучшение условий труда, а также повышение качества медицинских услуг и образования в колониальных владениях. Особое место, в данной связи, уделялось реформаторским проектам в Индии.

Сторонники данной точки зрения полагают, что такой поворот в колониальной политике Великобритании не выходил за рамки традиционных либеральных принципов. Подобная трансформация отражала важные тенденции в социально-экономическом развитии самой метрополии и переход к более активной роли государства в разрешении социально-экономических проблем индустриального общества.

Подчёркивая, что универсализм идей социального усовершенствования, призыв к увеличению роли государственной помощи в преодолении трудностей индустриализации, колониальная политика отражала социальный поворот в метрополии. Социальная активность, в этих условиях, рассматривалась, как способ распространения присущего британскому правлению либерализма. В середине 1920-х гг. приверженцы «социалистического империализма» обратились к идее более твёрдого и жёсткого социального порядка, которую они пытались реализовать на примере модели управления Индией. Ключевое же противоречие между либеральными принципами и идеей активного социального регулирования продолжала оставаться стержнем «социал-империалистической» парадигмы вплоть до распада британской колониальной системы.

Важную роль в формировании идей «социал-империализма» сыграли фабианцы, а также либеральные и лейбористские радикалы, с начала XX в. активно выдвигавшие свои проекты реформирования управления империей. Радикальные мыслители, работавшие в рамках

правительственных структур, а также международных организаций, в первую очередь, Лиги Наций, миссионерские и исследовательские объединения, в частности «Роунтри Траст и Родс Фоундэйшнз» (Rowntree Trust и Rhodes Foundations) предлагали меры по защите населения колоний от разрушения их традиционной их «традиционной жизни, и подготовить их к существованию в современном мире»[8, p. 21].

Наряду с проблемой введения системы протекционистской защиты экономики колоний, важным направлением деятельности британских правительственных структур явились попытки создания определённых стимулов для их социально-экономического развития. Важная роль в их продвижении принадлежала Л. Эмери, занимавшему в кабинете С. Болдуина пост министра по делам колоний. В середине 1920-х гг. при его активном участии правительством была разработана комплексная программа укрепления имперской системы, включавшая в себя три основных элемента: «во-первых – усиление единства белых доминионов; во-вторых – расширение самоуправляемых территорий за счёт некоторых владений в Восточной Африке, и, возможно, Палестины; в третьих – принятие ряда мер по социально-экономическому развитию остальных колониальных владений» [2, с. 129]. В то же время, ещё в 1921 г. Л. Эмери, занимавший на тот момент пост заместителя министра колоний, суммируя мнения руководителей ведомства, был вынужден признать ограниченность ресурсов, которые могли быть использованы для развития колониальных территорий. «Наши имеющиеся желания сурово ограничены экономическими возможностями, обуславливающими нашу слабость», - отмечал он в одном из посланий [2, с. 110]. В том же году, оставляя пост министра по делам колоний, лорд Милнер писал Л. Эмери: «В настоящий момент, у нас, к сожалению, мало людей, искренне сочувствующих нашим предприятиям» [2, с. 129]. В последующем Л. Эмери неоднократно жаловался С. Болдуину на слабость своих позиций «в сравнении с партикуляризмом колоний и консерватизмом Казначейства» [2, с. 158].

Одним из важных направлений деятельности министерства колоний являлось развитие научных изысканий, напрямую сопряжённых с основными задачами социально-экономического развития колониальных территорий. Одним из примеров такого рода явилась деятельность Школ тропической медицины в Лондоне и Ливерпуле, занимавшихся во взаимодействии с крупными международными научными центрами, включая институт Рокфеллера, разработками средств противодействия распространённым в африканских и азиатских колониях эпидемическим заболеваниям. Данные научные центры обладали сетью филиалов и исследовательских лабораторий. Крупнейшая из них располагалась в западноафриканской колонии Сьерра-Леоне и осуществляла, согласно официальным отчётам, системные исследования в сфере противодействия тропической малярии и другим эпидемиям, периодически возникавшим в Тропической Африке [9, col. 65]. Значимую роль в обеспечении деятельности данных научных центров, и, в первую очередь, Лондонской школы тропической медицины, играли субсидии со стороны министерства колоний [4, p.12]. Государство также спонсировало подготовку квалифицированных медицинских кадров для работы в колониях, а также обеспечение местных медицинских учреждений достаточным объёмом лекарств, приобретаемых по их себестоимости [4, p.12].

С данными структурами тесно взаимодействовала Имперская школа сельского хозяйства, штат которой включал 115 человек. Размещаясь на о. Тринидад она изучала вопросы, связанные с улучшением показателей экономической эффективности плантационных хозяйств, а также увеличения производства экспортных сельскохозяйственных культур в различных колониях, в частности, сахара на островах Вест-Индии, каучука в Малайе, а также хлопка и какао в Западной Африке и на Цейлоне [12, p.138].

В целях развития аграрного производства некоторых колониях были введены отдельные должностей инспекторов по сельскому хозяйству, которые, должны были в числе прочего отвечать за соблюдением норм трудового законодательства в отношении представителей аборигенного населения, на которое, как отмечалось в одном из документов специальной комиссии в середине 1920-х гг., должны были распространяться «нормы, аналогичные действующим в нашей стране» [15]. Данное направление деятельности было тесно сопряжено с попытками придать колониальной политике новое гуманитарное содержание, отражавшее, по мнению британских чиновников, «особую ответственность не только перед туземным населением, но и перед всем человечеством за развитие этих народов…» [15].

Предложенные созданной при министерстве колоний в середине 1920-х гг. специальной комиссией нововведения были рассчитаны на существенную модернизацию принципов колониального управления, а также актуализации целей и задач колониальной политики для британского общества.

С середины 1920-х гг. заметно увеличились расходы колониальных бюджетов, связанные с социальной сферой. Как отмечалось в одном из отчётов колониального ведомства, к концу 1920-х гг. они «достигли наивысших показателей за последние 10-15 лет» [5, p.14]. Согласно представленным в британском парламенте сведениям, во второй половине 1920-х гг. расходы на развитие системы здравоохранения в шести основных колониях Великобритании в Тропической Африке выросли с 12 до 22% от общей суммы налоговых поступлений [10, Col. 46]. В соответствии с информацией, представленной министерству колониальными губернаторами, в восточноафриканских владениях, в данный период произошло существенное увеличение числа госпиталей и других медицинских заведений. Их создание явилось, в том числе, результатом взаимодействия министерства колоний с англо-индийским правительством, поскольку от 80 до 90% законтрактованных рабочих, трудившихся на плантациях в Кении и других британских владениях этого региона являлись выходцами из Индии [14, p. 115].

Несмотря на заметный прогресс в данной сфере сохранялись и определённые недостатки, связанные с тем, что «отдельные подконтрольные территории вынуждены самостоятельно решать многие проблемы в сфере медицинского и санитарного обеспечения» [10, Col. 47]. В данном контексте, как отмечалось в одном из выступлений, «…представители колониальных администраций выражают серьёзные замечания относительно отсутствия со стороны Министерства колоний эффективной координации в данном важном направлении деятельности» [10, Col. 47].

Одним из факторов, приведших к неудаче проектов по сохранению имперского единства и укреплению внутриимперских экономических связей, явились также существенные сдвиги в общественных и политических настроениях британского общества в сторону укрепления национального экономического суверенитета, явившиеся прямым следствием экономического кризиса начала 1930-х гг.

Относительное социально-экономическое ослабление Великобритании, связанное с негативным воздействием последствий Первой мировой войны, а также возросшая международная конкуренция явились факторами, заметно сузившими перед британской политической элитой «коридор» потенциальных возможностей при выборе вариантов стратегии сохранения прежнего колониального влияния. Вместе с тем поиск путей модернизации социально-экономического потенциала колоний был в межвоенный период важной составляющей проектов, связанных с реформированием системы колониального управления.

Библиографический список:

1. РГАСПИ. Ф.495. Оп. 100, д. 88.
2. Эмери Л. Моя политическая жизнь. М. Издательство иностранной литературы., 1960. 686 с.
3. Boehmer E. Immensurable Strangeness in Imperial Times: Leonard Woolf and W. B. Yeats/ Modernism and Empire. Ed. by Booth H. J. and Rigby N. N.Y., 2000. P. 93-111.
4. Colonial office list. L., HMSO, 1925.
5. Colonial office list. L., HMSO, 1929.
6. Darwin J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World System. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. 811 p.
7. Etherington N. Theories of Imperialism: War, Conquest, and Capital. Totowa: N.J.: Barnes & Noble Books, 1984. 296 p.
8. Grayson R.S. Liberals International Relations and Appeasement. London and Portland, Frank Cass, 2001. 317 p.
9. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 187 (1925).
10. Great Britain Parliamentary Debates. House of Commons, Fifth Series, vol. 226 (1929).
11. Howe S. Anticolonialism in British Politics: The Left and the End of Empire, 1918-1964. Oxford: Clarendon Press, 1994. 392 p.
12. Hynes W. G. The Economics of Empire. Britain, Africa and the New Imperialism, 1870-1985. L.: Longman, 1980. 162 p.
13. Minutes of Labour Party Advisory Committee on Imperial Questions. July 12, 1933 / Reader L. «Not Yet Able to Stand by Themselves»: Leonard Woolf, Socialist Imperialism, and Discourses of Race, 1925-1941. Irvine, 2011. P.102-130.
14. Sahni J. N. Fifty Years of Indian Politics, 1921-1971. New Delhi: Allied Publishers, 1982. 182 p.
15. The Papers of Leopold Amery// http://janus.lib.cam.ac.uk. (дата обращения: 20.10. 2013).
16. Wilson P. The International Theory of Leonard Woolf: A Study in Twentieth Century Idealism. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2003. 269 p.

Сведения об авторе:

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, e-mail: sagimbaev@ yandex.ru

УДК 942.080.1

В.Е. Бортулев

Особенности взаимодействия Лейбористской партии и профсоюзов в период Всеобщей стачки в Великобритании в 1926 г.

Статья ретрагирована в связи с наличием обширных неправовых заимствований из следующих публикаций:

1. Блосфельд Е.В. Левые лейбористы и всеобщая стачка 1926 г. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История, регионоведение, международные отношения. №6;
2. Суслопарова Е.А. Всеобщая забастовка 1926 г. в Великобритании // Большая Российская энциклопедия.

Сведения об авторе:

Бортулев Владимир Егорович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений, e-mail: bortulev.vladimir@yandex.ru

УДК 94(430).085

С.И. Денисов

Становление и эволюция законодательства о профсоюзах и рабочих организациях в Веймарской республике

Аннотация: *В статье, на основе анализа нормативно- правовых актов и научных публикаций, рассматривается соглашение Стиннеса-Легина, как попытка создания основы для формирования социального партнёрства в рамках новой социально- политической ситуации. Отдельное внимание уделяется рассмотрению положений конституции 1919г. о рабочих организациях. Ещё одним актом, регламентировавшим статус рабочих организаций явился Закон о производственных советах, вступивший в силу 4.02.1920 г. Уделяется внимание мерам на правленным на шаги по реализации принятых нормативно- правовых актов. Автор обращает внимание и на факторы, повлиявшие на снижение эффективности деятельности рабочих организаций*
Ключевые слова: *История Германии, история права Германии, Веймарская республика, Веймарская конституция, профсоюзы, закон о производственных советах*

S. I. Denisov Formation and evolution of trade union and workers' organisations legislation in the Weimar republic
Abstract: *The article, based on the analysis of normative legal acts and scientific publications, examines the Stinnes-Legina agreement as an attempt to create a basis for the formation of social partnership within the new social and political situation. Particular attention is paid to the provisions of the 1919 constitution on workers' organisations. Another act that regulated the status of workers' organisations was the Law on Industrial Councils which came into force on 4.02.1920. The author pays attention to the measures aimed at the implementation of the adopted normative legal acts. The author also draws attention to the factors that have influenced the decline in the effectiveness of workers' organisation*
Keywords: *German history, German legal history, Weimar Republic, Weimar Constitution, trade unions, works council law*

В настоящее время Германия представляет страну с наиболее развитым законодательством в сфере регулирования трудовых правоотношений, где действуют эффективные правовые «механизмы» защиты интересов наемного работника во всем, что касается условий труда, защиты при увольнении и т.д. Как отмечают современные

отечественные исследователи, в э том массиве правовых норм можно выделить три основных блока «К первому из них относятся нормы, устанавливающие порядок заключения, исполнения и расторжения индивидуального трудового договора, права и обязанности работодателя и наемного работника, Второй образуют нормы, связанные с заключением коллективных трудовых договоров, правом наемных работников на образование профсоюзов, на управление предприятием, на проведение забастовок (Kollektivarbeitsrecht, Betriebsverfassungsrecht). И наконец, третью группу норм составляют те публично-правовые предписания, которые обеспечивают усиленную защиту прав наемного работника» [7, с.32].

Одним из наиболее сложных и значимых является вопрос о становлении и эволюции норм регулирующих правовой статус профсоюзов и иных рабочих организаций в Германии в первой трети 20века. Проблема его становления является малоизученной в отечественной юридической науке. Исследователи обращают внимание на преимущественно, на вопросы регулирования трудового договора, защиты трудовых прав отдельных категорий населения. Из новых публикаций следует отметить статьи О.Л.Лысенко, [5,6,7], С.И. Денисова [2,3]. В статье «Регулирование социально-трудовых отношений в веймарской Германии в 1924-1929гг.» рассматривается проблема правового регулирования в сфере труда и социального обеспечения Веймарской республики в период стабилизации. На основе анализа различных источников прослеживается особенности правового обеспечения таких важных институтов социально - трудовых отношений как рабочее время, борьба с безработицей, реализация права на судебную защиту, а также проблемы социального страхования и социального обеспечения жителей в рассматриваемый период [2, с.200-213].

Этот вопрос о правовом регулировании трудовых правоотношений в начале 20 века. попрежнему остается предметом дискуссий и историографии Германии.

Таким образом, автор настоящей статьи ставит перед собой задачу рассмотреть основные попытки создания основы для формирования социального партнёрства в рамках новой социально- политической ситуации, проанализировать принятые правовые акты, регулирующие статус рабочих организаций в рассматриваемый период, уделить внимание характеристике практических шагов по реализации положений этих документов.

Профсоюзы в рамках своей политики заключения мира еще в 1914 году призвали работодателей объединиться с ними в рабочие сообщества, чтобы вместе справиться с экономическими трудностями, возникшими в результате войны. Было создано несколько рабочих сообществ военного времени, но тяжелая промышленность и Ассоциация немецких профсоюзов работодателей в то время все еще в принципе отказывались от сотрудничества с профсоюзами. Только «Закон о службе помощи отечеству» привел к регулярному сотрудничеству профсоюзов и предпринимателей под принуждением государства. Сотрудничество между работодателями и работниками неизбежно усиливалось в согласительных комиссиях и комитетах на паритетных началах при многочисленных недавно созданных административных органах в военной экономике.

В одной из своих публикаций автор обращал внимание на роль и значение закона 1916г в становлении законодательства о профсоюзах. Так, например, нормами данного документа предусматривалось создание системы согласительных комиссий для разрешения трудовых конфликтов, формируемых на паритетных основах. Тем самым государство впервые законодательно признало профсоюзы в качестве равноправного партнера по переговорам наряду с предпринимателями. «Положения рассматриваемого закона ограничили всевластие предпринимателей, предоставили рабочим и служащим право участвовать в управлении предприятиями и способствовали росту влияния профсоюзов» [2, с.106]. Говоря о значении этого закона О.Л. Лысенко отмечает, что в нем впервые вводились комитеты рабочих и служащих. «Они

были предусмотрены для предприятий с численностью трудящихся более 50 человек. Эти комитеты станут прообразом для будущих рабочих советов на предприятиях с административными и контрольными полномочиями, что прямо будет закреплено в Веймарской конституции 1919 г. (ст. 165, абз. 2–5)» [6].

Однако переговоры о расширении сотрудничества начались только весной 1917 года по инициативе доктора Августа Мюллера, работавшего в Военном продовольственном управлении, и берлинского государственного деятеля профессора Германа Шумахера. Оба были членами "Немецкого общества 1914 года", которое было основано в 1915 году с целью сохранения духа общественного мира, возникшего в начале войны, для достижения баланса между партиями и всеми общественными группировками Германской империи. В этом смысле Мюллер и Шумахер проявили наибольшую активность. Мюллер, который располагал хорошо налаженными контактами с руководством Всеобщей конфедерации профсоюзов Германии, и Шумахер, который был связан с некоторыми видными лидерами бизнеса, выступили посредниками в переговорах между профсоюзами и представителями предпринимателей. В августе 1917 года промышленники Альфред Гугенберг, Эмиль Кирдорф, Хьюго Стиннес и Фридрих Карл Винкхаус встретились с профсоюзными лидерами Густавом Бауэром, Теодором Лейпартом, Александром Шлике и Робертом Шмидтом. Они собрались вместе, чтобы обсудить текущую военную ситуацию, взаимные представления о переходной экономике, а также отдельные вопросы социальной политики на этом и последующих раундах переговоров [11, s.118,131].

Зимой 1917/18 г. состоялось второе собрание, на котором также присутствовали Альберт Феглер и Карл Легин. Переговоры, на которых Стиннес пытался убедить профсоюзных деятелей в поддержке его аннексионистских целей в войне в обмен на признание работодателями их организации, но безрезультатно. Только давление все более явно надвигающегося конца войны и связанные с этим нерешенные вопросы демобилизации изменили это положение. [11, s.384,387,390].

В июле 1918 г. Ганс фон Раумерайнен предпринял новую попытку, потому что он предполагал, что с окончанием войны можно ожидать хаоса и большой социальной напряженности. Как и многие его современники, он опасался, что окончание войны и связанное с ней ослабление государства принесут хаос и анархию. Полная дезинтеграция немецкого общества, казалось, была не за горами, если не удастся сдержать социальные конфликты под контролем с помощью профсоюзов. Поэтому он попросил Августа Мюллера еще раз выступить посредником во встрече с профсоюзными лидерами, но это произошло только 2 октября 1918 года. Впервые были подняты конкретные вопросы, и были согласованы основы для дальнейшего сотрудничества на паритетных началах. 22 октября переговоры продолжились. Профсоюзы требовали его признания в качестве представительства трудящихся, неограниченного коалиционного права, регистрации на паритетных началах и создания арбитражных инстанций на паритетных началах, а также заключения коллективных договоров во всех отраслях промышленности. Но на переднем плане стоял вопрос о том, как осуществить демобилизацию. Было решено, что эту задачу можно будет решить только с помощью централизованного регулирования на паритетной основе.

Важно подчеркнуть, что одним из главных объектов социальной политики Веймарской республики 1919 – 1932 гг. стали трудовые отношения, а социальной помощи – наиболее бедные слои рабочих. Уже на следующий день после подписания перемирия был издан указ об учреждении Имперского управления экономической демобилизации (Demobilmachungsamt). Возглавил его начальник Отдела военного снабжения подполковник Кет. Как гласил текст документа «Оно должно было незамедлительно взять в свои руки всю работу по экономической демобилизации, связаться с любыми центральными, провинциальными и местными властями

Рейха и земель, рассматриваемыми для этой цели, согласовать с ними необходимые действия или, при необходимости, предпринять их самостоятельно.

Всем гражданским и военным властям предлагается неизменно и с максимальным ускорением следовать указаниям г-на Кета в вопросах экономической демобилизации и оказывать ему посильную помощь в выполнении его чрезвычайно важной задачи на благо нашего народа в любом направлении» [12].

Ещё одним направлением деятельности новой власти стало о регламентация деятельности рабочих организаций. Еще до 9 ноября было достигнуто соглашение о признании профсоюзов представителями рабочих, неограниченном праве на коалицию, паритетных трудовых и арбитражных инстанциях, а также о признании коллективных договоров. 7 ноября Теодору Лейпарту и Гансу фон Раумеру было поручено разработать проект устава будущего рабочего сообщества. Таким образом, переговоры уже продвинулись вперед, когда их обогнала политическая эволюция. Когда Лейпарт и фон Раумер встретились 9 ноября, они должны были признать, что в свете революции о продолжении переговоров пока не может быть и речи.

Вместо этого Теодор Лейпарт 10 ноября сформулировал требования профсоюзов, выполнение которых должно было объединить дальнейшее сотрудничество в создании рабочего сообщества. Каталог требований был представлен предпринимателям 11 ноября, когда партнеры по переговорам снова встретились. Вопросы, о которых шла речь, заключались, прежде всего, в немедленном заключении коллективных договоров во всех профессиях и отраслях, а также в введении восьмичасового рабочего дня. Затем, после еще двух дней переговоров, 12 ноября можно было приступить к работе. Соглашение о создании "Рабочего сообщества промышленных и торговых работодателей и рабочих Германии", более известное как "Центральное рабочее сообщество" (ZAG) или "Соглашение Стиннеса-Легиена", было названо "Магна харта немецких рабочих", когда оно было подписано в середине ноября 1918 года. И по сей день, оно считается поворотным пунктом в развитии сотрудничества в сфере производственных отношений. Оно рассматривается как непосредственный предшественник социального партнерства, в котором коренится традиция корпоративной рыночной экономики в Германии. Её создание было осуществлено в рамках акта «Стиннеса-Легина» [15]. Предприниматели признали профсоюзы законным представителем трудящихся (пункт 1), подтвердили коалиционную свободу (пункт 2) и отказались от поддержки жёлтых профсоюзов (пункт 3). Для уволенных солдат право на восстановление в должности было включено в соглашение (пункт 4). Кроме того, было отменено паритетное управление профсоюзом. Подтверждение занятости (пункт 5), заключение коллективных договоров (пункт 6), создание рабочих комитетов (пункт 7) и арбитражных органов или комиссий соответственно. Соглашение устанавливало максимальную продолжительность рабочего дня не более 8 часов, признавало недопустимым снижение заработной платы по причине сокращения рабочего времени (п.9). В дальнейшем вопрос о продолжительности рабочего времени вызывал очень жаркие споры в правительстве и обществе.

В организационном плане договаривающиеся стороны договорились о создании центрального комитета с профессионально и профессионально организованным подразделением на паритетных началах, задачей которого будет координация выполнения этих соглашений, а также мер по регулированию демобилизации, поддержанию экономической жизни и обеспечению существования рабочей силы (пункты 10-11).

15 ноября 1918 года были представлены подписи всех заинтересованных сторон, соглашение было передано Совету народных уполномоченных для совместного подписания и публикации, и «Центральное трудовое содружество промышленных и ремесленных союзов работодателей и работников» приступило к своей работе.

23 ноября 1918 г. Имперское управление экономической демобилизации издало «Приказ о регулировании рабочего времени промышленных рабочих». В пункте 2 закреплялась положение, по которому «Обычное ежедневное рабочее время, включая перерывы, не должно превышать восьми часов» [9]. На практике деятельность вновь созданных организаций сталкивалась с рядом трудностей. Уже 27 ноября была издан акт, вводивший репрессии против лиц, препятствующих деятельности совета по демобилизации. «Постановление о введении в действие уголовных постановлений Имперского управления экономической демобилизации. 27 ноября 1918г.» [18].

В соответствии с нормами этого акта за неисполнение распоряжений имперского совета по демобилизации виновные могут быть привлечены к ответственности. В частности, санкции предусматривали лишение свободы на срок до 5 лет, выплату штрафа и рассматривалась возможность конфискации имущества лиц, привлеченных к ответственности [18].

23 декабря 1918 г. Советом народным уполномоченных (СНУ) принимается Постановление о коллективных трудовых договорах, комитетах рабочих и служащих и урегулировании трудовых споров. Оно послужило базой для подобных коллективных соглашений в сфере трудовых правоотношений, регулярно заключавшихся в период существования веймарской республики [16, s. 157–158].

В январе и начале марта 1919 года немецкая экономика была потрясена широкими забастовочными движениями, кульминацией которых стало объявление всеобщей забастовки, в результате чего молодое правительство Веймарской республики выступило с требованием немедленно начать социализацию и создать систему советов. Правительство осознавало ответственность и необходимость в том, чтобы восстановить спокойствие и порядок, которые были столь важны для решения послевоенных проблем. Поэтому в заявлении от 5 марта оно согласилось с тем, что вопросы социализации будут рассмотрены, а рабочие советы будут закреплены в Конституции. Впоследствии кабинет министров поручил Министерству экономики разработать законодательство о социализации, в то время как Министерство труда получило от правительства поручение разработать новое трудовое законодательство и Закон о рабочих советах в соответствии с законодательством государства.

Уже 20 марта министр труда Рейха Густав Бауэр представил проект, предусматривающий создание районных советов рабочих, а также Имперского экономического совета для решения всех социальных и экономических вопросов. При обсуждении этого предложения в первую очередь обсуждался состав Имперского экономического совета и ограничение его законодательной функции. Кроме того, он касался разграничения профессиональных концепций и защиты профсоюзов от расширения власти советов. На заседании кабинета министров 26 марта обсуждались пять других вариантов, три от Министерства труда и по одному от Министерства внутренних дел и Министерства финансов.

Проект Министерства труда, который был дополнен Имперским рабочим советом, районным экономическим советом и Имперским экономическим советом, в конечном итоге стал основой для переговоров с партиями большинства. Когда он был повторно обсужден 4 апреля после дальнейших доработок и встреч с лидерами правящих партий, настало время обратить внимание на законопроект, который был принят позже, в том смысле, что он прямо признавал профсоюзы и ассоциации предпринимателей, а также их коллективные соглашения. Кроме того, наряду с рабочими советами теперь было принято решение о создании экономических советов, которые должны были быть сформированы исключительно из представителей предпринимателей и рабочих. Они должны были выполнять "общественные обязанности" и участвовать в исполнении законов о социализации. Законодательные полномочия Имперского экономического совета были расширены, но не предоставили ему права вето в законодательстве.

Правительство надеялось, что с помощью статьи Конституции о советах, адаптированной особым образом, удастся ограничить деятельность советов экономическими вопросами, фактически отодвинув их на уровень расширенных комитетов рабочих и служащих. При этом одновременно с планом создания рабочих советов были приняты прежние требования рабочих организаций о дополнении существующих общественных палат, таких как торгово-промышленные палаты, рабочими палатами.

Поначалу профсоюзы очень подозрительно относились к отнесению движения советов к экономической сфере, опасаясь, что оно вытеснит их. Но они не смогли добиться успеха своим принципиальным отказом от закрепления советов в Конституции. Вместо этого они согласились со статьей о советах после того, как правительство прямо признало юрисдикцию коллективных сторон в экономических вопросах.

Дальнейшее развитие новации в области трудового права получили в тексте Конституции. Здесь предусматривались не только свобода образования профсоюзов и заключение коллективных трудовых договоров (ст. 159, 165 абз. 1), но и организация рабочих советов на предприятиях (ст. 165, абз. 2–5). Первоначально задуманная как статья 34а, норма о рабочих организациях, в конечном итоге стала частью Веймарской имперской конституции как статья 165. Закрепленные в Конституции положения определяли направления законотворческой деятельности в сфере социального и трудового законодательства [2, с.108].

18 января 1920 г. был принят Закон о рабочих советах, который должен был регулировать функции и задачи рабочих советов. Он вступил в силу 4 февраля 1920 года [10]. Этот акт должен был стать частью трудового кодекса, который еще предстоит кодифицировать. Документ состоял из более 100 статей, объединенных в шесть разделов.

Раздел 1 определил, что рабочие советы должны быть созданы на всех предприятиях, на которых работало не менее 20 человек. На предприятиях с числом работников менее 20, но не менее пяти, должен быть избран руководитель предприятия, представляющий интересы рабочих (§2). Если рабочие и служащие были представлены в производственном совете, то, чтобы иметь возможность более конкретно представлять соответствующие интересы, следует дополнительно избрать по одному сотруднику и одному рабочему совету (§6). Если рабочие и служащие были представлены в производственном совете, то, чтобы иметь возможность более конкретно представлять соответствующие интересы, должны быть избраны дополнительно по одному сотруднику и одному рабочему совету (§6). Если в производственном совете были представлены рабочие и служащие, то для более конкретного представления соответствующих интересов следует дополнительно избрать по одному сотруднику и одному рабочему совету (§6). Вопрос о том, следует ли избирать конкретного руководителя предприятия в каждом конкретном случае, зависел от согласия рабочих и служащих между собой (§2, §7). Общее представительство интересов работников должно было по-прежнему оставаться обязанностью профсоюзов, однако, чтобы гарантировать, по мнению не только предпринимателей того времени, справедливое представительство работников предприятия и свободу объединений, возможность избрания в производственный совет была прямо отделена от членства в профсоюзе (§66, параграф 6).

Задачи были изложены таким образом, что функция производственного совета, направленная на удовлетворение потребностей предпринимателей, была четко поставлена на первое место по сравнению с функциями, обеспечивающими участие. Производственный совет был создан для того чтобы,"1. на предприятиях, преследующих экономические цели, поддерживать руководство предприятием советом, тем самым обеспечивая вместе с ним как можно более высокий уровень и максимально возможную экономическую эффективность управления предприятием; 2. содействовать внедрению новых методов работы на предприятиях,

преследующих экономические цели; 3. продвигать деятельность перед Чтобы сохранить потрясения [...] 6. Способствовать согласию внутри рабочей силы, а также между ней и работодателем и выступать за сохранение свободы объединения рабочей силы "(§66) [10].

При этом, Совет директоров должен был следить за тем, чтобы меры, наносящие ущерб общественному благу, не допускались. (§68) Кроме того, в нем прямо указывалось, что производственному совету не должно быть разрешено вмешательство в управление предприятием (§69), а так же, работодатель должен ежеквартально представлять отчет о состоянии и деятельности предприятия и бизнеса в целом, а также о результатах деятельности предприятия и ожидаемых потребностях в рабочей силе, в частности. (§71) и, во избежание социальных трудностей, право голоса в отношении большего числа сотрудников или увольнений (§74.) [10].

Практическая реализация принятых актов была связана с рядом трудностей. Предметом острых споров в послевоенный период являлся статус рабочих организаций. Советы, созданные по образцу российской модели, стремились оттеснить с политической сцены. На первое место выходят производственные советы и профсоюзы. Как отмечает в своей монографии Винклер: «Они стремились предложить новую идею: интегрировать производственные советы в профсоюзы и создать общими усилиями «производственную демократию» [1, с.97].

Ещё одним фактором, оказывающим влияние на деятельность рабочих организаций, по мнению белорусского исследователя Шупляка, явилось отсутствие единства в профсоюзном движении: «Профсоюзное движение Германии не было единым. Оно состояло из множества организаций и течений, которые не просто отличались друг от друга по своим идейно-политическим взглядам, методам борьбы, целям, но зачастую даже враждовали между собой» [8, с.143]. Следует согласиться с мнением современных авторов, что наиболее крупными и авторитетными были три течения: свободные профсоюзы, христианские профсоюзы и хирш- дункеровские профсоюзы. Важные, а порой и принципиальные различия в оценке внутриполитической ситуации в стране явились серьёзным препятствием для консолидации усилий в деле отстаивания интересов трудящихся масс.

Наглядным примером тому может послужить судьба созданного в первые революционные дни "Центрального рабочего сообщества" (ZAG). Недолгий период существования ZAG был отмечен внутренними конфликтами и враждой оппозиционных течений внутри двух лагерей. Он пришел к концу в результате споров по поводу отмены восьмичасового рабочего дня, которые еще в начале 1920-х годов были поставлены под сомнение работодателями тяжелой промышленности. Работодатели сочли «продление рабочего времени, несмотря на более высокий уровень безработицы, по причинам снижения затрат и конкурентоспособности Германии неизбежным» [14, s. 100]. Они основывали свою аргументацию на необходимости повышения производительности с целью удовлетворения требований о репарациях и стабилизации экономики Германии. В конце концов, работодатели воспользовались ситуацией, созданной французской оккупацией Рура в 1923/24 году (см. Ruhrkampf), „чтобы добиться стабилизации, основанной на отмене восьмичасового рабочего дня и повышении заработной платы“. [14, s. 128.]. Профсоюзы, выступившие партнерами правительства в проведении политики пассивного сопротивления, теперь платили за свою ведущую роль в государстве потерей доверия среди рабочих.

Во второй половине 20-х годов наиболее важными событиями в сфере регулирования социально- трудовых правоотношений, в которых активное участие принимали профсоюзы, стали возвращение 8-часового рабочего дня на основании закона от 8.04.1927г., а также установление социальных гарантий при увольнении престарелых служащих[2, с. 109].

Относительно менее дискуссионным явился, принятый в 1927г. «Закон о трудоустройстве и страховании от безработицы» - один из важнейших социально-политических законов

Веймарской республики. Он превратил, как к тому и стремились уже длительное время профсоюзы, попечение безработных в страхование. При этом работодатель и наемный работник вносили свой взнос в равном размере.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить ряд важных моментов. Изменение ситуации в Германии в сторону усиления стабильности способствовало ослаблению напряженности в отношениях между профсоюзами, поиску общих подходов к тем или иным проблемам политического и социально-экономического развития. ZAG установила прочные стандарты в социальной и тарифной политике Германии и оказала значительное влияние на экономический порядок Веймарской республики, который получил своё развитие в ФРГ. Впервые через ZAG профсоюзы были признаны всеми работодателями в качестве официального партнера по переговорам. Здесь значимую роль сыграли нормативные акты, принятые в первые годы существования республики. Практическая реализация принятых актов была связана с рядом трудностей.

Библиографический список

1. Винклер Г.А. Веймар 1918-1933: история первой немецкой демократии / Г. А. Винклер;. [пер. с нем; под общ. ред. А. и. Савина]. - Москва :Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 878 с.
2. Денисов С.И. Эволюция правового регулирования социально-трудовых отношений Германии в первой трети 20 века // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф., 20 мая 2016 г. /редкол.: Е. В. Грибанов, Г. А. Городенцев, Г. П. Курдюк, Е. А. Вакарина, И. В. Яблонский. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2017. – С.104-110
3. Денисов С.И. Регулирование социально-трудовых отношений в веймарской Германии в 1924-1929 гг./С.И. Денисов// Право : история, теория, практика . вып.21 Брянск 2017.С.200-213
4. 4.Конституция Германского рейха от 11 августа 1919 г.// https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0002_wrv&object=translation&st=&l=ru(Дата обращения 09.04.2023)
5. Лысенко О.Л. Институт индивидуального трудового договора в праве Германии в период Веймарской республики (1918-1933) // Институты государства и права в их историческом развитии: Сборник научных статей к 60-летию Владимира Алексеевича Томсинова. М.: ИКД "Зерцало-М", 2012. С.317-348
6. Лысенко О.Л. К вопросу о влиянии Ноябрьской революции 1918 г. На развитие трудового права в Германии // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vliyanii-noyabrskoy-revolyutsii-1918-g-na-razvitie-trudovogo-prava-v-germanii (дата обращения: 08.04.2023)
7. Лысенко О.Л. Становление института трудового договора в германском праве в конце xix - начале XX в // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2010. №6. С.32-55
8. Шупляк, П.А. Германские профсоюзы в период становления Веймарской республики / П.А. Шупляк //Працы гістарычнага факультэта : навук. зб. Вып. 1 / рэдкал. : У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. — Мінск :БДУ, 2006. — С. 143–152.
9. 9.Anordnung über die Regelung der Arbeitszeit gewerblicher Arbeiter (23.11.1918)//documentArchiv.de. [Электронный ресурс] URL: http://www.documentArchiv.de/wr/1918/arbeitszeit-arbeiter_ao.html (Дата обращения 07.04.2023)
10. Betriebsrätegesetz, 4. Februar 1920, RGBl. 1920, Nr. 26, S. 147-174. [Электронный ресурс] URL:http://1000dok.digitale-sammlungen.de/dok_0133_brg.pdf (Дата обращения 14.04.2023)
11. Bieber, H.-J., Gewerkschaften in Krieg und Revolution. Arbeiterbewegung, Industrie, Staat und Militär in Deutschland 1914-1920. 2 Bde, Hamburg 1981.

12. Erlaß über die Errichtung des Reichsamts für die wirtschaftliche Demobilmachung-Demobilmachungsamt (12.11.1918) //documentArchiv.de. [Электронный ресурс] URL: http://www.documentArchiv.de/wr/1918/reichsdemobilmachungsamt_erl.htmle (Дата обращения 7.04.2023)
13. Feldman, G.D., Steinisch, I., The Origins of the Stinnes-Legien Agreement. A.Documentation// Internationale Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, 1973, H. 19/20, S. 45-104.
14. Gerald D. Feldman / Irmgard Steinisch: Industrie und Gewerkschaften 1918-1924. Die überforderte Zentralarbeitsgemeinschaft. Stuttgart, Deutsche Verlags-Anstalt, 1985, 222 S.
15. Gründung der "Arbeitsgemeinschaft der industriellen und gewerblichen Arbeitgeber und Arbeitnehmer Deutschlands" ["Zentralarbeitsgemeinschaft"] 15. November 1918. //. [Электронный ресурс] URL: http://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0132_zag&object=translation&st=&l=de(Дата обращения 10.05.2023)
16. Ramm, T. Das deutsche kollektive Arbeitsrecht zwischen den beiden Weltkriegen, in: Zeitschrift für Arbeitsrechts ... 19, 1988, S. 157 – 172
17. Satzung für die Arbeitsgemeinschaft der industriellen und gewerblichen Arbeitgeber und Arbeitnehmer Deutschlandsaus: Reichs-Arbeitsblatt (XVI. Jahrgang — Nr. 12) 1918 Seite 874 f. URL: https://de.wikisource.org/wiki/Satzung_f%C3%BCr_die_Arbeitsgemeinschaft_der_industriellen_und_gewerblichen_Arbeitgeber_und_Arbeitnehmer_Deutschlands (Дата обращения 10.05.2023)
18. Verordnung über den Erlaß von Strafbestimmungen durch das Reichsamt für die wirtschaftliche Demobilmachung (27.11.1918) // documentArchiv.de.URL: http://www.documentArchiv.de/wr/1918/reichsdemobilmachungsamt-strafen_vo.html, (Дата обращения 10.05.2023).

Сведения об авторе:

Денисов Сергей Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. E-mail sergeidenis@yandex.ru

УДК 94(430) “1933/1945”

С.В. Артамошин

«Создавая немецкую народную общность»: идеология и социальная политика нацистской Германии в 1933-1939 гг.

Аннотация: *В статье рассматривается процесс формирования немецкой народной общности в нацистской Германии. Уделяется внимание изучению идеологического компонента образования нацистской модели общественного развития на основе анализа идеологических текстов национал-социализма. Исследуется общее и особенное в проведении социальной политики Веймарской республики и нацистской диктатуры. Анализируются направления социальной политики, ее взаимосвязь с курсом политической социализации и нацификации германского общества*
Ключевые слова: *национал-социализм, социальная политика Третьего рейха, народная общность, идеология нацизма, Немецкий трудовой фронт*

S.V. Artamoshin «Creating a German people's community»: the ideology and social policy of Nazi Germany in 1933-1939

Abstract: *The article deals with the process of formation of the German people's community in Nazi Germany. Attention is paid to the study of the ideological component of the formation of the Nazi model of social development based on the analysis of the ideological texts of National Socialism. The general and particular aspects of the social policy of the Weimar Republic and the Nazi dictatorship are being studied. The directions of social policy, its interrelation with the course of political socialization and nazification of the German society are analyzed*
Keywords: *national socialism, social policy of the Third Reich, national community, ideology of Nazism, German Labor Front*

Социальная политика нацистского режима имела историческую взаимосвязь с предшествующей политикой Веймарской республики. При этом следует иметь в виду ряд важных моментов для понимания особенностей проведения нацистской социальной политики накануне Второй мировой войны. Во-первых, для определения особенностей и привлекательности социальной политики для германского населения в 1930-е гг. необходимо учитывать контраст социального положения немецкого населения в начале и в середине 1930-х гг. с тем, чтобы увидеть внешнюю притягательность нацистских проектов по проведению социальной политики. Во-вторых, следует обратить внимание на то, что социальная политика Третьего рейха имела разновекторную направленность, обеспечивающую

социальные гарантии и блага членом немецкой народной общности, а также служившая средством нацификации немецкого населения, его политической социализации. В-третьих, социальная политика может рассматриваться как средство приручения населения, что во многом исключало массовое сопротивление режиму. В-четвертых, оборотной стороной проведения нацистской социальной политики стало не только исключение из нее немецких евреев, но и проведение ее, в том числе, за счет евреев, путем вытеснения их с рынка труда и проведения политики ариизации.

Создаваемая нацистами система социальных отношений, как и само государство, опиралось на расовую основу, образуя расовую народную общность как противоположность веймарской системе. Идеологическая модель нацистского государства носила биополитический характер. В представлении нацистских теоретиков возникшее национал-социалистическое движение являлось закономерным процессом естественного развития. В основу исходных элементов национал-социалистического мировоззрения был положен натуралистически воспринимаемый внешний мир, т.е. сама природа, и мир внутренний, представлявший собой непознаваемую, но деятельную душу. Нацистские идеологи исходили из расовой детерминанты исторического развития, которая объединяла естественные и духовные стороны человеческой жизни. Расовая история народа была одновременно «историей природы и мистикой души» [12. S.23]. По представлению А. Розенберга, «душа означает расу, видимую изнутри, и наоборот, раса - это внешняя сторона души». Он считал, что «раса», «душа» и «дух» являлись единым целым, и только в процессе познания человек рассматривал их с разных сторон, Каждой расе свойственно обладание собственной душой. «Каждая раса имеет свою душу, каждая душа - свою расу, свою собственную внутреннюю и внешнюю архитектонику, свои характерные формы проявления и стиль жизни, свое собственное соотношение между силами воли и разума, каждая раса в конечном итоге культивирует только один высший идеал» [12. S.2, 116].

А. Розенберг призывал к возрождению «органического бытия», провозглашая, что в современной Германии в душе немцев просыпалась новая сущность - осознание роли и значения крови. Германец возвращался к глубинным природным истокам, в которых генерировалась божественная основа человека. Вследствие этого происходила окончательная замена существующей в данный момент системы ценностей. Новая система ценностей строилась на принципе крови. Это должно привести к тому, что на смену христианским верованиям, либеральным или консервативным воззрениям придет новая парадигма - кровь, ибо «сегодня просыпается новая вера: миф крови, вера, что вместе с кровью будет защищена вообще божественная сущность людей. Олицетворяющая светлое знание вера в то, что нордическая кровь представляет собой таинство, которое заменило и победило старое причастие» [12. S.114].

Европейская история предшествующих веков настолько переплела все народы континента, что в данный момент они являются следствием расовых смешений. А. Розенберг считал, что «XIX век показал параллельное существование во всей Европе трех возможных систем. Первую представлял собой нордический Запад, опирающийся на свободу души и идею чести; второй была завершенная римская догма, полная смирения, раболепской любви, находящаяся на службе у централизовано управляющего духовенства; третья была очевидным предвестником хаоса: неограниченный материалистический индивидуализм, имеющий целью политико-экономическое мировое господство денег как единственно типообразующей силы. Эти три силы боролись и борются за душу каждого европейца» [12. S.118]. XX столетие знаменовалось началом этапа обновления нордической расы и переоценкой политико-нравственных ценностей. «Кровь, которая умерла, начинает оживать. В её мистическом символе происходит новое построение клеток немецкой народной души. Современность и прошлое появляются внезапно в новом свете, а для будущего вытекает новая миссия. История и задача будущего больше не

означают борьбу класса против класса, борьбу между церковными догмами и догмами, а означают борьбу между кровью и кровью, расой и расой, народом и народом. А это означает борьбу духовной ценности против духовной ценности» [12. S.1-2].

В представлении А. Розенберга нордический германский дух разграничивает мир свободы и мир природы. Он называл первую категорией «естественной», опирающуюся на присущую германству «идею внутренней свободы». Свобода отдельного человека заканчивается там, где она вступает в противоречие со свободой народа, народной общности. Нацистские теоретики полагали, что в отличие от политической идеи либерализма носителем свободы являлся не отдельный индивидуум, а народ или народная общность. Ценность личности обусловлена его осознанным местонахождением в народной общности. Нацисты считали, что индивидуум может быть свободен только в свободной народной общности и если та потеряет свою свободу, то ее лишается и каждый отдельный человек.

Вернер Дайц, теоретик экономики и расовой общности, входивший в окружение А. Розенберга, утверждал, что история и культура народа есть только «столкновение его расовой сущности в духовных и художественных связях с окружающим миром и духом времени» [8. S.106]. С появлением на политической арене национал-социализма образовалась новая форма «мировоззренческого перелома, <...> выступавшая центральным извержением, которое покроет устаревшую интеллектуальную корку новым раскаленным огненным слоем - новым мировоззрением и новой культурой <...>, предоставляя жизнеспособным народам шанс нового подъема и новой крови» [5. S.29; 7. S.50]. Сущность «великого мировоззренческого перелома современности», по мнению В.Дайца, состояла в разрешении противоречия между старыми и новыми представлениями о свободе. «Глубочайший смысл каждой истинной революции состоит в том, что она заново отвечает на вопрос о свободе и необходимости. <...> Подлинный мировоззренческий перелом происходит ... лишь тогда, когда в истекшую эпоху имело место вырождение понятия свободы» [10. S.49].

Немецкий народ относился нацистскими теоретиками к нордическому народу, происходившему из северо-западной Европы, и оказавшему основополагающее воздействие на формирование западноевропейской культуры. В их сочинениях присутствовало отождествление его с арийцем. Со временем арийский тип был сведен ими к строго определенным физическим характеристикам, являвшимся мерилом для подтверждения или опровержения принадлежности человека своей нордической природы. Он должен был прийти на смену существующему в их представлении ущербному типу немца периода Веймарской демократии, который, пойдя на поводу ложных и чуждых германскому духу идеалов, утратил качества, присущие его характеру.

В. Дайц считал необходимым воспринимать «народность как главный принцип нации», что означало отождествление интересов национал-социализма и германского народа, реализацию его проектов как отражения национальных ожиданий, поэтому националистическая природа основывается на том, что «его внутренняя сущность лежит в народности» [7. S.49; 9. S.15]. Он полагал, что «национал-социализм является не только мировоззренческим движением, но и в действительности освобождает дорогу для нравственного возрождения немецкого народа на основе его естественной закономерности жизни». Это «нравственное возрождение» должно стремиться к преобразованию всей народной жизни, опираясь на биологические основы. Поэтому нацизм ставил перед собой четкую цель: создание «единого в духовном и материальном отношении народного организма» [6. S.102-103]. Этим организмом являлась однокровная народная общность.

Народная общность получила свое существование от природы и «организована на крови и почве». Её жизнь представляет собой абсолютную ценность, являясь «неразлагаемой

формой духа», «общей верой в одни и те же идеалы». Народная общность определялась Дайцем как семья, представленная «биологически единой немецко-нордической народной индивидуальностью», то есть она выступала как однокровное, связанное пространством, общество, в котором индивидуум получал свою жизнь и должен крепить народную общность. Перефразируя слова Гитлера о том, что «народ - все, личность – ничто», В.Дайц утверждал, что «народная общность - все, отдельный человек – ничто» [5. S.33, 30; 10. S.52], что определяло приоритет интересов народа над личными интересами. Основой народной общности и её первейшей организацией выступала семья, которая была целостной общностью с полнейшим биологическим равновесием между равными её элементами, предопределенными самой природой - мужчиной и женщиной. Первый выступал активным полюсом семьи, вторая - пассивным. «В своем вечном становлении мужчина стремиться путем формирования идей и делами создать бытие, пытается сформировать мир как органичную композиционную структуру. Женщина - это вечная хранительница инстинктивного». В её «руках и типе ... находится дело сохранения расы» [12. S.510]. Таким образом, народная общность есть та же семья, только увеличенная до соответствующего масштаба.

Нацисты считали себя той силой, которая преодолеет политический кризис Веймарской республики и создаст новое общество. «Германия, - писал А. Гитлер, - катилась в пропасть; удержать ее от окончательного падения в последнюю минуту, было призвано наше движение» [11. S.409]. Политические противники нацизма оценивались исходя из расовой основы. Следуя сложившейся фёлькишеской традиции, нацисты выводили евреев в качестве главного мировоззренческого и расового врага. В области политической пропаганды евреи выступали объединительным элементом, который персонифицировал политических противников. Причину данной персонификации прояснял сам А. Гитлер двумя фразами из своей книги, которые перекликаются по смыслу между собой, но вместе дают законченную мысль: «Искусство истинно великого народного вождя вообще во все времена заключается, прежде всего, в том, чтобы не дробить внимание народа, а концентрировать его всегда против одного единственного противника. ... Вот почему необходимо взять за одну скобу всех противников, хотя бы они и сильно отличались друг от друга, тогда получится, что масса твоих собственных сторонников будет чувствовать себя противостоящей лишь одному единственному противнику» [11. S.129]. Нацисты превратили антисемитизм в расовый антисемитизм. А. Розенберг назвал их «нашим метафизическим противником в истории» [13. S.133].

Нацистские идеологи в своей характеристике евреев использовали биологические понятия, отождествляя еврейский народ с биологическим видом социальных паразитов. А. Гитлер писал, что «евреи были и остаются типичными паразитами». «Иудей представляет прямую противоположность арийцу» и вся «внешняя культура современного еврея на деле есть только извращенная им культура других народов» [11. S.334, 329, 331]. Господство евреев в политической системе государства определялось временной слабостью нации, неспособной противостоять чужеродному влиянию. А. Розенберг писал, что «там, где на теле нации появляется рана, в больное место всегда вгрызается еврейский демон и пользуется как паразит часами слабости великих мира сего. <...> Добиться (завоевания государства - С.А.) не в споре, а нечестным путем; не служить ценностям, а пользоваться обесцениванием, так гласит его закон, по которому он действует и от которого он никогда не отойдет, пока существует» [12. S.460].

В одном из майских выступлений 1923 г. в цирке «Кроне» А. Гитлер заявил, что «евреи - это образ и подобие дьявола. Еврейство означает расовый туберкулез народов» [2. С.23]. Поэтому нацисты стремились представить противостояние как вечную борьбу добра и зла. Это позволило А. Гитлеру провозгласить, что «борясь за уничтожение еврейства, я борюсь за дело Божье» [11. S.70].

Идеологические компоненты определяли сущность реализуемой нацистским правительством политики, направленной на преодоления социальных последствий мирового экономического кризиса, с которым не могли справиться правительства Веймарской республики в 1930-1933 гг. Именно политический и социальный контраст действий предшествующих Гитлеру правительств позволял оценить степень общественной реакции на инициативы нацистского правительства.

Клюевой проблемой оставалась безработица, которая не позволяла решить не только социальные проблемы, но и существенно ссужала степень политического воздействия правительства. В 1933 г. безработица составляла 4804428 чел. Если проследить динамику изменений численности безработных, то в целом сокращение численности почти вдвое наметилось уже в 1934 г., затем, после введения всеобщей воинской повинности, оно стало неумолимо снижаться. На 1939 г. число безработных достигло 119155 чел. [1. С.182]. Правительство было озадачено необходимостью снижения числа безработных, и в этой связи предприняло целый комплект инициатив, направленный на уменьшение их числа. В первую очередь это было связано с расширением системы общественных работ. В соответствии с принятом 1 июня 1933 г. законом о сокращении безработицы, безработные привлекались для проведения работ на экономических и социально значимых объектах. При незначительном размере оплаты труда, это позволяло обеспечить занятость рабочих рук. Большое рекламное, политическое и экономическое значение имело начало строительство автобанов, общеимперской системы скоростных автодорог. Начавшееся с лета 1933 г. строительство было с большим шумом привнесено немецкому населению. Гитлер, принявший участие в символическом открытии, начала строительства, воткнувший заступ в землю, и идущие потом колонны немецких рабочих, отправляющиеся на строительство, указывали на то, что нацистское правительство начинает серию социальных программ. Курирование строительство автобанов было возложено на Фрица Тодта.

Также в рамках закона была принята программа Рейнхардта, связанная с поддержкой молодых семей. Она пользовалась большой популярностью. Как отмечал Н. Фрай, свыше полумиллиона молодых пар подали заявление на получение беспроцентной ссуду на заведение хозяйства. Ссуда составляла до 1 тысячи марок. Более половины из вступивших в брак воспользовались ссудой [3. С.75-76]. При этом программа имела важный нюанс, требовавший от молодой семьи, чтобы супруга покинула рабочее место, а затем был введен эквивалент погашение кредита путем стимулирования рождаемости, так как при рождении одного ребенка списывалась ¼ часть кредита. Таким образом, данная программа способствовала как освобождению рабочих мест, так и стимулированию рождаемости и выполнению женщиной своей роли в немецкой народной общности – быть хранительницей крови и очага.

Важную роль в достижении снижение безработицы играл комплекс мероприятий, направленных на снижение конкуренции на рынке труда за счет ограничений для женщин, евреев, политически неблагонадежных лиц, что позволяло заполнить освобождавшиеся рабочие места не имеющими работы мужчинами. Контроль за ресурсами рабочей силы осуществлялся через унификацию профсоюзных организаций и сведение их в нацистскую организацию – Немецкий трудовой фронт, лидером которого был Роберт Лей. Созданный профсоюзный орган основывался на централизации управления и вводил принцип фюрерства на предприятии, превращая владельца в лидера, а рабочих в его дружину, что означало, фактически, полный контроль со стороны хозяина предприятия [4. С..503]. Регулирование положения рабочих осуществлялось через хитроумную систему тарификации труда, создание системы стимулирования при сохранении невысокого уровня оплаты труда. Система профессиональной подготовки и переподготовки кадров, осуществляемая совместно с Немецким трудовым фронтом, давала возможность рабочим повысить уровень оплаты труда и улучшить уровень жизни. В

феврале 1935 г. в Германии введена трудовая книжка, которая фиксировала не только динамику трудовой деятельности работника. Но и уровень его квалификации. Несмотря на значительный отток рабочих рук из сельского хозяйства в промышленность правительство стремилось компенсировать их уменьшение через систему обязательной сельской повинности для германской молодежи. Привлекательность жизни в городах, более высокая зарплата и возможность устроиться на разных производствах подталкивали социально мобильное население села к миграции в города. «Вместо основания новых крестьянских дворов происходило массовое бегство из села. Германцы, якобы всей душой привязанные к земле, хлынули в крупные городские агломерации» [3. С.80].

Важную роль в оформлении народной общности играла система социального обеспечения. Выработанная система «народной социальной защиты», совместными усилиями рейхсминистерства труда и ДАФ, устанавливала большую ответственность работников за достижение материального уровня обеспечения в будущем. Система пенсионного обеспечения, регулируемая «Законом о развитии пенсионного обеспечения» от 21 декабря 1937 г. устанавливала пенсионный возраст с 65 лет, вводила систему обязательного пенсионного страхования, и размер пенсии определялся взносами, которые работник переводил в период трудовой деятельности и отчислениями работодателя. Стремление к унификации рабочих и служащих в вопросе обеспечения пенсионными выплатами, в конечном счете, не был достигнут, сохраняя неоднородную систему размеров пенсионных выплат [1. С.161].

Германское население достаточно позитивно реагировало на социальные программы. В основном это объяснялось тем, что люди приобрели чувство уверенности в завтрашнем дне, что позволяло им пережить негативные воспоминания о периоде социальных потрясений начала 1930-х годов и уже не обращать внимание на потерю некоторых политических и социальных прав. Н. Фрай подчеркивал, что «национал-социалистам удалось добиться своего, в том числе и потому, что они сумели в представлениях многих людей разорвать связь между материальным положением и общественным сознанием, подчеркивавшуюся старым рабочим движением. <…> Удивительным спокойствием на социальном фронте Третий рейх обязан не только перманентной угрозе а лице гестапо, но и систематическим стараниям отделить заработную плату и социальный статус друг от друга. С успехом, глубоко удручающим его противников, режим демонстрировал, что не хлебом единым жив человек и лояльности от него можно добиться не только своевременным повышением средней тарифной ставки.» Далее германский исследователь отмечает, что «социальная политика консолидированного нацистского режима не была исключительно реакционной или риторической и не служила всего лишь точно рассчитанным средством тотальных манипуляций» [3. С.83].

Большую популярность среди германского общества имели мероприятия, организованные в рамках ДАФ, специально созданной в 1933 г. мощной социальной организацией «Сила через радость», направленная на организацию досуга немцев. Значительность ее влияния на германское общество показывают цифры задействованных средств и численность членов. В период с 1933 по 1939 г. ежегодные расходы достигали 26,7 млн. рейхсмарок, а динамика численности членов указывает на возрастающей интерес немцев к ее деятельности и готовности принять в ней участие: так в 1934 г. ее численность уже достигала 9 млн. чел., а к началу войны в 1939 г. – 55 млн. чел. Как отмечал лидер ДАФ Роберт Лей в июне 1938 г.: «Сила через радость – это самый простой образ, к которому можно свести национал-социализм» [4. С.508]. Комплекс мероприятий был достаточно разнообразным и может быть сгруппирован в следующие направления:1) просветительские мероприяти;2) спортивные занятия; 3) культурная политика; 4) туризм. Просветительские мероприятия были направлены на пропаганду научных достижений и расовой пропаганды, проведение лекций и организация образовательных программ по

расовой теории, медицине, региональной истории, искусству, фотографии и т.д. С этой целью был создан комплекс учреждений народного просвещения, который на начало войны составил 325 учреждений. Спортивные мероприятия обеспечивали вовлечение огромных масс населения. В них находили отражение как забота о здоровье рабочих, так и стремление к физической подготовке мужчин к военной службе. В 1934-1935 гг. около 3 млн. чел. посещали спортивные секции и осваивали различные виды спорта, которые ранее были недоступны. Здесь проявлялось стирание грани между элитарностью и всеобщностью, что отражало постулаты декларируемой народной общности. Групповые посещения театров и кино были нацелены на приобщение рабочих к культуре и донесение искусства до дальних немецких окраин. Создавалась практика введения театральных абонементов за символическую плату, проведение на предприятиях концентров классической музыки, создание системы выездных театров, проводились передвижные выставки. Это существенно, по сравнению с Веймарской республикой, расширяло знакомство населения с произведениями искусства. На 1938 г. более 2,5 млн. чел. посетили концерты классической музыки, и более 13,5 млн. чел «народные представления» театров. В операх и опереттах побывало более 6,5 млн. чел., на театральных спектаклях около 7,5 млн. чел., различные выставки посетило порядка 1,5 млн. чел. и более 2,5 млн. чел приняли участия в народных гуляниях, организованных на автострадах [1. С.170; 4. С. 509]. Как отмечал Н. Фрай, «Организация <Сила через радость> с поистине миссионерским рвением тащила <простых соотечественников> в буржуазные <храмы духа>» [3. С.100].

Наибольшей популярностью среди немцев пользовалась система туризма, созданная «Силой через радость», который был совершенно недоступным для большинства немцев в Веймарской республики. Туризм служил яркой рекламой народной общности. На палубах кораблей, на которых проходили морские путешествия, объединялись представители разных социальных групп. Всего организация имела к 1938 г. 12 кораблей и 2 лайнера «Роберт Лей» и «Вильгельм Густлофф». Уже в 1934 г. в туристических поездках приняли участие около 400 тыс. чел., а в 1937 г. эта цифра достигла 1,7 млн. чел., около 7 млн. чел. приняли участие в экскурсиях выходного дня и 1,6 млн. чел. в пешеходных прогулках[4. С.511]. Конечно, туристические поездки, с одной стороны, демонстрировали складывание лишенного социальных барьеров общества, с другой стороны, указывали на формирование нового разделения между партийной бюрократией и рядовыми членами, в силу использования партийными руководителями своего положения для интенсивным туристических поездок и разных размеров денежных трат во время них.

Социальная политика нацистской Германии была средством политической социализации и нацификации германского общества в 1930-е гг. Вместе с тем следует отметить ее активность, креативность и масштабы социальных изменений, степень воздействия которых на общество должно учитываться в контексте социальной политики Веймарской республики, и особенно периода экономического кризиса начала 1930-х гг.

Библиографический список

1. Социальная политика и социальное государство в Германии. – Кемерово, 2014.
2. Фест Й. Гитлер. Биография. /Пер. с нем. - Пермь, 1993. - Т.2.
3. Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933-1945/ Пер. с нем. – М., 2009.
4. Эванс Р. Третий рейх. Дни триумфа: 1933-1939/ Пер. с англ. – Екатеринбург, 2010.
5. Daitz W. Der Erneuerung der Wirtschaftsethik: Eine Umwertung aller Werte // Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. T.l-3. - Dresden, 1943. - T.1.

6. Daitz W. Die germanischen Tugenden als Lebensgesetzlichkeit des deutschen Volkes// Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. T.l-3. - Dresden, 1943. - T.1.
7. Daitz W. Neue Aussenhandelspolitik// Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. T.l-3. - Dresden, 1943. - T.2.
8. Daitz W. Der nordische Charakter des Dritten Reiches und Niederdeutschlands Aufgabe // Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. T.l-3. - Dresden, 1943. - T.1.
9. Daitz W. Nationalsozialismus, Faschismus und Südosteuropa// Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. T.l-3. - Dresden, 1943. - T.2
10. Daitz W. Weltanschauung und Wirtschaft// Daitz W. Der Weg zur Volkswirtschaft, Grossraumwirtschaft und Grossraumpolitik. T.l-3. - Dresden, 1943. - T.1.
11. Hitler A. Mein Kampf. – München, 1936.
12. Rosenberg A. Der Mythus des 20.Jahrhunderts. Eine Wertung seelisch-geistigen Gestaltenkampfe unserer Zeit. - München, 1934.
13. Rosenberg A. Die Protokolle der Weisen von Zion und die judische Weltpolitik. - München, 1933.

Сведения об авторе:
Артамошин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского. E-mail: artamoshinsv@mail.ru

УДК 930:94(430),085

О.Э. Терехов, О. Н. Терехова

Характерные черты и основные этапы социальной политики ФРГ в 1949-1990 гг.

Аннотация: *В статье рассматриваются характерные черты и основные этапы социальной политики ФРГ в 1949 1990 гг. Авторы характеризуют социальную политику ФРГ на различных этапах ее развития: от возникновения до объединения Германии, выделяют ее общие и особенные черты, дают авторскую периодизацию*
Ключевые слова: *ФРГ, социальное государство, социальная политика*

O.E. Terekhov, O.N. Terekhova. Characteristics and Main Stages of Social Policy in the BRD 1949-1990
Abstract: *The article considers characteristic features and main stages of the social policy of the Federal Republic of Germany in 1949 ¬ 1990. The authors characterize the social policy of Germany at different stages of its development: from the emergence to the unification of Germany, highlight its common and special features, give the author's periodization*
Keywords: *Germany, welfare state, social policy*

Введение в 1948 г. новой валюты и связанные с этим экономические меры создали экономико-политическую модель устройства социального рыночного хозяйства будущей ФРГ. Теоретики и практики концепции социального рыночного хозяйства усматривали в нём «третий путь» между необузданным либеральным рыночным хозяйством и государственным управлением экономикой, система получила название «рейнский капитализм». По их мнению, социальная политика должна стать неотъемлемой частью политики государства в целом. При этом принципы социальной политики в системе социального рыночного хозяйства подразумевали не простое сведение прибавочного продукта к перераспределению благ между населением, так как это могло привести к социальным и политическим диспропорциям и вызвать привыкание людей к определённому материальному благосостоянию, что вело к снижению темпов развития экономики: сущность социальной политики состояла в создании определённого уровня материального благосостояния и принципиальной возможности принятия самостоятельных решений гражданами.

Социальная политика в системе социального рыночного хозяйства Германии базировалась «на системе обязательного социального страхования, организуемой и финансируемой «социальными партнерами», часто называют по месту возникновения германской, по имени

родоначальника моделью Бисмарка, а по содержательному акценту – моделью трудовых достижений» [1. С. 204]. Поэтому возрождение социальной политики в ФРГ происходило не на пустом месте. К. Аденауэр, правительство, парламентская фракция ХДС/ХХС не были сторонниками полной ликвидации социального законодательства принятого раннее, даже если оно относилось к годам Третьего рейха. Напротив, К. Аденауэр и министры постоянно подчеркивали социальную направленность политики кабинета. Тем не менее, кардинально изменившиеся социально-экономические и политические обстоятельства внесли много нового в социальную политику.

Принципом социальной политики ФРГ было взаимное доверие населения и правительства. Основной закон ФРГ провозглашал принципы социального государства. Параграф 1 статьи №20 «Федеративная Республика Германия является демократическим и социальным федеративным государством» и параграф 1 статьи №28 «Конституционный строй в землях должен соответствовать принципам республиканского, демократического и социального правового государства в духе настоящего Основного закона» подчёркивали социальный характер государства.

Германская модель социального рыночного хозяйства с самого начала ее реализации предполагала активное участие государства в социальной сфере. В «эру Аденауэра» 1949 – 1963 гг. правительство и бундестаг разработали и приняли несколько десятков законов по различным аспектам социальной сферы, которые заложили основу социальной политики и социального государства в ФРГ, государства всеобщего благосостояния. В дальнейшем большинство этих законов дорабатывались и дополнялись, некоторые уже в период нахождения К. Аденауэра на посту бундесканцлера.

Возвращение к лучшей жизни, от «времени нужды», началось только через несколько лет после окончания войны. Этому способствовал быстрый экономический подъем, который особенно зримо проявился в 1950-е гг., и вошел в истории Западной Германии как «экономическое чудо». Характерной чертой растущего благосостояния в эти годы стал рост общественного продукта в денежном эквиваленте: 10,5% в 1950 г., 8,8% в 1951 1952 гг., 8,3% в 1953 г. и 12,1% в 1955 г. «Экономическое чудо» послужило базисом не только для восстановления Германии, но и стало основой для реконструкции и расширения социальной политики в направлении создания государства всеобщего благосостояния. Растущее число рабочих мест, с 1949 по 1955 гг. было создано 4,2 миллиона новых рабочих мест, и вместе с ними рост заработной платы, достаточно быстро принести немалый доход в бюджет государства. Это существенно расширило возможности государства в социальном вопросе и позволило финансировать социальное страхование и принимать новые социальные программы, например закон 1952 года «О возмещении ущерба, причиненного войной». Успешному проведению социальной политики в «ранней» ФРГ также способствовали политические предпосылки: Основной закон 1949 года, обязывавший проводить политику по формированию основ социальной и правовой демократии, а также соответствующая воля, возможности и действия политиков, особенно из блока ХДС/ХСС и СДПГ.

Перед бундестагом первого (1949 – 1953 гг.) и второго (1953 – 1957 гг.) легислатурных периодов в области социальной политики стояло множество задач: оценка экономических и социальных последствий войны, восстановление социального страхования, создание трудового законодательства, основанного на принципе социального партнерства для того, чтобы нейтрализовать возможность возникновения конфликта между буржуазными партиями и коалицией, состоящей из СДПГ и профсоюзов, которая стремилась следовать более радикальным, а зачастую и социалистическим путем в проведении экономической и социальной политики. Иными словами: основные направления социальной политики подсказывало сама

политическая и экономическая ситуация, обусловленная усилиями федерального правительства создать социальный мир в стране. Поэтому правительственные кабинеты под руководством К. Аденауэра предпочитали не отказываться от всех значимых мероприятий в области социальной политики, не считаясь при этом с финансовой стороной вопроса.

В первую очередь было необходимо «залечить» последствия Второй мировой войны. Для решения этой задачи были приняты: 20 декабря 1950 года «Закон об обеспечении жертв войны» (Bundesversorgungsgesetz) и 14 августа 1952 года «Закон о компенсации ущерба, причиненного войной» (Lastenausgleichsgesetz), составивший законодательную основу для получения компенсации более чем десяти миллионов изгнанных и беженцев с восточных территорий Третьего рейха. 12 марта 1951 года был принят закон о создании федеральных и земельных структур по вопросам снабжения жертв войны.

В этом ряду также находится политика массового жилищного строительства, проводимая федеральным правительством. С принятием бундестагом в 24 апреля 1950 года «Первого закона о жилищном строительстве» (Erste Wohnungsbaugesetz), в 1956 году Второго закона о жилищном строительстве (Zweite Wohnungsbaugesetz) и ряда других законодательных актов в ФРГ началось массовое строительство доступного жилья. Вкратце строительные программы и блока ХДС/ХСС и ведущей оппозиционной партии СДПГ можно сформулировать так: жилищное строительство должно стать массовым и дешевым. И те и другие считали, что жилищное строительство должно оставаться в частных руках, но пользоваться широчайшей поддержкой государства. Обе партии также отвергали идею строительства крайне дешевого временного жилья.

Важное значение имела унификация существовавшего социального законодательства и привидение его в соответствие с Основным законом ФРГ. Правительство и бундестаг дифференцировали существующее социальное страхование по профессиям и объединили больничные кассы, многочисленные добровольные общества страхования по безработице в федеральную службу трудоустройства и страхования по безработице. Это нововведение преследовало цель – стимулирования инициативы снизу в области социального законодательства. Федеральное правительство в развитии социального страхования исходило из идеи формирования паритетных отношений между работодателями и работниками. В начале 1950-х гг. конфликт между правительством и парламентско-профсоюзной оппозицией закончился принятием двух законов: 21 мая 1951 года «Закона о соучастии рабочих в наблюдательных советах и правлении предприятиями горной и металлургической промышленности» (Montan-Mitbestimmungsgesetz) и 11 октября 1952 года «Закона о правах и обязанностях рабочих и предпринимателей в наблюдательных советах предприятий» или как его еще называют «Закон об управлении предприятиями» (Betriebsverfassungsgesetz).

Проблема нового порядка в отношениях между предпринимателями и рабочими стала активно дебатироваться впервые послевоенные годы. В их основе стояла проблема более активного участия (нем. Mitbestimmung соучастия) рабочих в управленческих структурах предприятий. В первые годы существования ФРГ в условиях быстро меняющегося экономического порядка, формируемого принципами социального рыночного хозяйства буржуазные партии (речь идет о блоке ХДС/ХСС), союзы предпринимателей сочли необходимым пойти на уступки профсоюзам в этом вопросе. В январе и марте 1950 года в Хаттенхайме прошли первые переговоры между предпринимателями и профсоюзами, на которых не было достигнуто взаимопонимания.

Особенно острое противоборство сложилась в горной и металлургической индустрии. При посредничестве К. Аденауэра состоялись переговоры между профсоюзами и предпринимателями, которые привели к принятию «Закона о соучастии рабочих в наблюдательных

советах и правлении предприятиями горной и металлургической промышленности». Этот закон рассматривался профсоюзами как важнейший итог их борьбы за права рабочих. Закон разрешал на предприятиях в форме акционерных обществ, имеющих более 1000 тысячи занятых создавать наблюдательные советы (орган управления предприятием) из 11 человек. В их состав входили: 4 представителя от предпринимателей, 4 от рабочих и 3 места получали служащие. Кандидатуры представителей от работодателей и рабочих предлагали организации предпринимателей и профсоюзы. В зависимости от количества занятых наблюдательные советы могли состоять из 15 или 21 представителя. Номинально председатель наблюдательного совета избирался членами совета исходя из его программы. В составе совета (правления) создавалась выборная вакантная должность директора по трудовым конфликтам, в компетенцию которого входили правовые и социально-политические вопросы.

Политика в отношении рабочего класса, учитывая мощь и влияние немецких профсоюзов, была одной из важных частей социальной политики христианских демократов в целом. Перечислим некоторые законы, которые регулировали трудовые отношения и права наемных работников не только рабочих, но служащих. 2 августа 1951 года был принят «Закон о регулировании размера заработной платы в праздничные дни», устанавливающий размер зарплаты в государственные праздничные дни. 10 августа 1951 г. был принят «Закон о запрещении необоснованного увольнения рабочих и служащих». 8 января 1963 г. был принят «Закон о продолжительности отпусков», который вводил минимальный оплачиваемой отпуск продолжительностью 15 рабочих дней, для работников, имеющих 35-летний трудовой стаж продолжительность отпуска составила 18 рабочих дней.

Активное возрождение социальной политики в 1950-х гг. существенно увеличило круг лиц, охваченных различными формами социального страхования. Особенно этот рост был заметен в 1949 – 1957 гг. В середине 1950-х гг. в ФРГ начинается многолетняя дискуссия по проблемам медицинского страхования. После завершения Второй мировой войны, с начала в землях, а с 1949 года на федеральном уровне, была восстановлена система медицинского страхования, существовавшая до 1933 года. 22 февраля 1951 года бундестаг принял закон об общих принципах социального страхования, составной частью которого стало медицинское страхование.

Давление оппозиции, а также соображения предвыборного характера перед парламентскими выборами в бундестаг осенью 1957 года подвигли правящую коалицию под руководством христианских демократов и при деятельном участии К. Аденауэра приступить к разработке пенсионной реформы. С первых лет строительства ФРГ проблеме обеспечения пожилых и нетрудоспособных уделялось достаточно большое внимание. Начало широкой дискуссии о будущей реформе положил меморандум известного боннского экономиста Вильфрида Шрайбера от 30 декабря 1955 года, в котором он обосновал необходимость перехода к так называемой «динамической ренте» в пенсионном обеспечении. Меморандум Шрайбера был взят за основу двух отдельных законов: «Закона о новом регулировании пенсионного обеспечения рабочих» и «Закона о новом регулировании пенсионного обеспечения служащих» (Rentenreform), которые были приняты бундестагом 23 февраля 1957 года.

Реформа стала результатом совместных решений правящей коалиции и социал-демократической оппозиции. Реформа, по словам А. Штроха, была нацелена на то, чтобы каждый гражданин мог самостоятельно формировать свою будущую пенсию, исходя из своего профессионального и социального положения. Работник, который в течение 40 лет отчислял пенсионные взносы и имел зарплату не ниже средней, должен был получать пенсию в размере 60% от средней заработной платы. Право на пенсии по старости получали лица, достигшие возраста 65 лет и уплачивавшие страховые взносы в течение не менее 15 лет. Пенсионная

реформа 1957 года обозначила новый этап социальной политики кабинетов К. Аденауэра, ознаменовавший начало трансформации «социального капитализма» в систему «государства всеобщего благоденствия.

Семейная политика 1950-х гг. не ограничивалась только выплатой денежных пособий за рождение ребенка. Большое внимание было уделено развитию и воспитаю молодого поколения немцев, родившихся после завершения Второй мировой войны (в немецкой терминологии Lebensumstände – условия жизни). Это проявлялось в проведении массовых спортивных, досуговых, культурно-воспитательных мероприятий как на правительственном, так и на земельном уровне. Большая работа проводилась с трудными подростками (Jugendhilfe). Правовой основой для проведения молодежной политики стал, принятый еще в 1922 г. «Имперский закон о помощи молодежи», измененный и дополненный в 1953 г. Закон устанавливал право каждого ребенка на образование и воспитание и обязывал родителей обеспечить ребенку это право. Существенной частью детской и молодежной политики западногерманского государства стала государственная и земельная политика в области образования.

Последним значительным мероприятием в области социальной политики в последние годы канцлерства Аденауэра стало принятие 30 июня 1961 года (вступил в силу 1 июня 1962 г.) «Закона о социальном страховании малоимущих» (Bundessozialhilfegesetz). Несмотря на быстрорастущее благосостояние граждан ФРГ, в Западной Германии еще оставался круг лиц, который в силу разных причин нуждался в помощи государства. Закон заменил существовавший с 1924 года «Закон о социальном обеспечении» и в различных редакциях действовал до 1 января 2005 г.

Ситуацию для правящей коалиции в сфере социальной политики не изменил уход 15 октября 1963 К. Аденауэра с поста бундесканцлера и избрание на этот пост отца «немецкого экономического чуда» Л. Эрхарда. «Народный канцлер» продолжил социальную политику предшественника, следуя принципам христианской демократии. Были повышены пособия жертвам войны и пособия на детей, расширен «Закон о помощи малоимущим». Для решения политических и социально-экономических проблем Л. Эрхард выдвигает весьма помпезную программу «сформированного общества», основная задача которой состояла в том, чтобы в условиях замедления темпов экономического роста способствовать развитию принципов и методов социального рыночного хозяйства. Начавшийся в 1966 году первый экономический кризис в истории ФРГ, привел осенью к серьезным разногласиям между партнерами по коалиции по вопросу о принятии бюджета на 1967 год. Отставка 1 декабря 1966 года Л. Эрхарда и потеря блоком ХДС/ХСС парламентского большинства обозначили новый этап в развитии модели социального рыночного хозяйства и социальной политики в ФРГ.

Новое правительство возглавил видный деятель ХДС Курт Георг Кизингер. Социал-демократы получили 9 министерских портфелей, и самое главное, министром экономики стал видный экономист-социал-демократ Карл Шиллер, взгляды которого на социальное рыночное хозяйство отличались от христианско-демократических теоретиков. Главной задачей «большой коалиции» стала задача преодоления экономического спада и бюджетного дефицита. Экономическую стратегию правительства изложил К. Шиллер в ёмкой и афористичной форме: «Конкуренция насколько возможно, планирование насколько необходимо» [2. С. 352]. Предполагалось более широкое применение инструментов государственной бюджетной и налоговой политики, расширение государственного вмешательства в макроэкономические процессы с использованием неокейнсианских методов, введение элементов финансового и бюджетного планирования. К. Шиллер назвал такой подход «глобальным регулированием».

Усилия правительства в области глобального социально-экономического регулирования увенчались принятием 8 июня 1967 года «Закона о содействии стабильности и

экономическому росту» (Gesetz zur Förderung der Stabilität und des Wachstums der Wirtschaft), который, по существу, вводил государство в качестве равноправного игрока на рынке. Закон предполагал увеличение государственных инвестиций, гибкую кредитную и тарифную политику, снижение налогов, активизацию роли государства во взаимоотношениях предпринимателей и профсоюзов по вопросу заработной платы [3. С. 395]. Основная цель закона заключалась в разработке долговременно спланированной финансовой и экономической политики [4. S. 582].

Исходя из кризиса правительство «большой коалиции» пыталось проводить социальную политику, пытаясь приспособить ее изменившимся условиям. Был принят закон о сохранении полного размера заработной платы в объеме шестинедельного заработка в случае болезни для рабочих, что ранее было сделано для государственных служащих. Тем самым, по словам Манфреда Шмидта, «большая коалиция» начала долговременный процесс изменения относительно привилегированного статуса государственных служащих, которые они занимали в структуре социальной политики ФРГ [5. S. 90]. «В целом экономическая и социальная политика «большой коалиции» была весьма успешной: удалось в короткий срок оздоровить финансово-экономическую ситуацию…» [2. С. 396].

Выборы в бундестаг 28 сентября 1969 г. изменили политический ландшафт ФРГ. Блок ХДС/ХСС не получил ожидаемого количества голосов, что создало возможность СДПГ сформировать правительство. Была образована социал-либеральная коалиция (или как ее еще называют «малая коалиция») в составе СДПГ и СвДП. Коалиция, в которой решающую роль играли социал-демократы, просуществовала до осени 1982 года. Коалиционные правительственные кабинеты возглавляли: Вилли Брандт (1969 – 1974 гг.) и Гельмут Шмидт (1974 – 1982 гг.).

Социал-либеральная коалиция изменила вектор социальной политики ФРГ, что было фактическим отходом от принципов социальной политики заложенной Эрхардом в ходе становления социального рыночного хозяйства (к этому они стремились еще в период «большой коалиции»). На практике это означало: попытку перейти к государству всеобщего благосостояния по шведскому образцу, продолжение наращивания государственного регулирования, дальнейший рост госрасходов, появление хронического бюджетного дефицита, рост безработицы, рост социальных выплат, увеличение отчислений в различные социальные фонды.

В. Брандт позиционировал себя как «канцлер внутренних реформ» и проводил активную социальную политику, направленную на улучшение положения «отдельных категорий населения, прежде всего со средними и низкими доходами» [2. С. 412]. Не отказываясь от рыночной экономики, лидеры СДПГ решили усилить ее государственное регулирование и внести в нее элемент плановости. Под давлением рабочих и служащих была повышена зарплат. Был принят новый закон о статусе предприятия (1972 г.), направленный на «социальный мир». По закону об уставе предприятий рабочие получили в наблюдательных советах одну треть мест, а на предприятиях с числом занятых более 2 тыс. человек – половину мест. Была предпринята попытка начать долговременный процесс перераспределения собственности. Так называемая накопительная «инвестиционная зарплата» была увеличена вдвое до 624 марок. Деньги перечислялись на особые счета в инвестиционные фонды, которые охватили 16 миллионов человек и были блокированы государством сроком на 5 лет. Таким образом предполагалось, что произойдет перераспределение капитала.

Германские исследователи считают, что, благодаря социал-демократам в период с 1966 года по 1974 год социальная политика ФРГ в области социальной защищенности рабочих достигла пика своего развития [6. S. 950]. Основные реформы: сохранение заработной платы в случае болезни, пенсионная реформа, страхование в случае безработицы, закон об уставе

предприятия, были связаны с регулирование трудового законодательства. Социальное страхование начало также постепенно охватывать рабочих-иностранцев.

В других сферах социальной политики также происходили существенные изменения. Значительной трансформации подверглась пенсионная система. Новый закон о пенсиях 1972 года снизил пенсионный возраст с 65 до 63 лет, повышены наиболее низкие пенсии. Закон базировался на оптимистических прогнозах экономического развития страны. На момент его принятия пенсионным обеспечением в ФРГ было охвачено около 12 миллионов человек, из них порядка 1,4 миллионов получали небольшую пенсию. Изменения в системе медицинского страхования были направлены на проведение превентивных мер и раннее выявление заболеваний, что позволило повысить качество медицинских услуг. Была расширена помощь инвалидам, принят закон об улучшении охраны труда.

Отставка В. Брандта и экономический кризис 1974 1975 гг. привели к существенной корректировке социальной политики «малой коалиции». Растущий дефицит бюджета и, одновременно, возросшая налоговая нагрузка на работающее население привели к тому, что правительство Г. Шмидта было вынуждено вплотную заняться антикризисным управлением. Германские исследователи рассматривают период с 1974 по 1982 гг. в социальной политике «малой коалиции» как функционирование социального государства в условиях экономической рецессии [7. S. 887].

Во второй половине 1970-х гг. серьезной проблемой в ФРГ ставится безработица, которая совпала с началом процесса с неблагоприятными тенденциями в демографии. С 1975 г. детское пособие стало выплачиваться на каждого ребенка с рождения до 18 лет, а при продолжении обучения в высшей школе дольше. Был принят закон о выплате пособия женщинам в течение 6 месяцев после рождения ребенка и гарантиях от увольнения. Недостающие рабочие руки, и это в условиях высокой структурной безработицы, сглаживал рост числа гастарбайтеров и членов их семей, которые с 1970-х гг. как правило стали привлекаться к малоквалифицированному труду. К началу 1980 гг. численность гастарбайтеров и членов их семей возросла до 4,5 млн. человек. Гастарбайтеры с трудом адаптировались к социокультурным реалиям ФРГ, особенно выхоцы из стран ближнего и среднего Востока (в первую очередь турку), что вызвало ряд проблем социально-психологического характера.

Во второй половине 1970-х гг. в ФРГ начались дискуссии о кризисе социального рыночного хозяйства. Экономисты, близки к блоку ХДС/ХСС, более подчеркивали рыночный, чем социальный, характер экономики страны. Значительная часть германских экономистов оказалась под влиянием идеи дерегулирования (т.е. ограничения экономической роли государства), выдвинутой американскими монетаристами во главе с М. Фридменом, сторонниками «экономики предложения». Напротив, социал-демократические теоретики и политики нередко категорически отвергали неоконсервативные модели дерегулирования и доказывали необходимость дальнейшей активизации экономической роли государства, уточнения приоритеты (полная занятость, стабилизация цен, умеренный рост экономики в соответствии с критериями качества жизни и приблизительный баланс по внешнеэкономическим связям).

Несмотря на то, что кабинеты Г. Шмидта сокращали социальные расходы, они, тем не менее, не смогли добиться реформирования социального государства, которое в 1970-х гг. в ФРГ трансформировалось в подлинное «государство всеобщего благосостояния». Безусловно, социал-демократам принадлежит главнейшая роль в этом процессе. Характерно в этой связи постоянное увеличение социальных расходов, которые в 1969 г, с момента образования социал-либеральной коалиции, составляли 157,1 миллиарда марок в целом и 2567 марок на одного человека, а в 1982 г., в момент ее распада, – 527,6 миллиардов марок в совокупности и 8550 марок на одного жителя ФРГ [7. S. 892].

Распад социал-либеральной коалиции, зревший в условиях экономического спада 1980 1982 гг., произошел в сентябре 1982 года. 9 сентября министр экономики в кабинете Г. Шмидта, один из лидеров свободных демократов граф О. Ламбсдорф сформулировал предложения своей партии по преодолению кризисной ситуации в стране. Но они не получили одобрения со стороны канцлера и руководства СДПГ. Тогда руководство СвДП 17 сентября 1982 года приняло решение о прекращении сотрудничества с социал-демократами и о создании правоцентристской коалиции с ХДС/ХСС. 20 сентября начались переговоры о создании коалиции между Свободной демократической партией и Христианско-демократическим союзом. Гельмут Коль был избран федеральным канцлером ФРГ 1 октября 1982 года в ходе первого в истории бундестага полноценного конструктивного вотума недоверия действующему федеральному канцлеру Гельмуту Шмидту.

В условиях экономического спада 1980 – 1982 гг. правоцентристская коалиция переходит к политике консолидации в экономической и социальной сфере. Однако правоцентристы не были своего рода первооткрывателями такой политики. В частности, переход социальной политики в ФРГ от фазы экстенсивной экспансии в фазу торможения и сохранения того уровня, который был достигнут, постепенно начинается во второй половине 1970-х гг. в период кабинетов последнего канцлера социал-либеральной коалиции Г. Шмидта.

По мнению лидеров правоцентристской коалиции, экономическая и социальная повестка дня заключалась в проведении политики «консолидации и реструктуризации системы социального страхования» [5. S. 99]. Несмотря на то, что принципы социальной политики оставались прежними: солидарность, безопасность, стабильность – правоцентристская коалиция более быстрыми темпами начинает поворот в сторону реструктуризации социальной политики, делая акцент на поощрение индивидуальной инициативы. Главная идея всей социальной политики федерального правительства Г. Коля заключалась в том, чтобы сориентировать систему социального обеспечения на предпочтения граждан, дать каждому выбор, приблизить социальную сферу к рыночному механизму регулирования. Это бы позволило более четко реализовать принцип эквивалентности (взносов и социальных услуг). Приоритет должен был отдаваться собственному страхованию перед общегосударственной заботой и перераспределением. Предполагалось укрепить экономический и финансовый фундамент социальной политики и в среднесрочном периоде попытаться ее переструктурировать, например, через концентрацию средств для тех слоев населения, которые прежде всего нуждаются в реальной помощи. Принцип результативности социальной политики должен быть более действенным, но не за счет демонтажа социальной политики, а за счет изменения ее содержания. В годы первых кабинетов Коля возникла даже теория передышки в проведении активной социальной политики, автором которой являлся министр труда и общественных дел, представитель ХДС Норберт Блюм (1935 г. р.). Суть этой теории сводилась к мысли о том, что государство более не может позволить себе проводить экстенсивную социальную политику и должно перейти к интенсификации в развитии социальной сферы.

При всей неоконсервативной риторике правоцентристской коалиции необходимо отметить, что кабинеты Коля 1980-х гг., в сравнении с рейганомикой и тэтчеризмом. никогда не проводили жесткий неоконсервативный социально-экономический курс. Большая заслуга в этом принадлежит министру труда Н. Блюму, занимавшему этот пост 16 лет, то есть во всех кабинетах Г. Коля, и которому уже после его отставки, сделали упрек в том, что он проводил не либеральную, а социал-демократическую социальную политику. Напротив, социал-демократы в 1982 – 1989 гг., которые после 1982 года явно испытывали поворот влево, критиковали социальную политику правоцентристской коалиции, считая ее излишне либеральной. Они полагали, что социальная политика христианско-либеральной коалиции являлась не

«настройкой» социальной политики, а была открытым разворотом в сторону от социальной политики, который может вновь обострить классовую борьбу.

Законодательную основу политики консолидации составили два закона: «Закон об оживлении экономики, занятости и санации федерального бюджета» принятый бундестагом 20 декабря 1982 года и «Закон мероприятиях в области санации бюджета и стабилизации финансовой ситуации», приятый бундестагом 22 декабря 1983 года. Оба закона преследовали одну цель – реструктуризацию бюджета. Законы были рассчитаны на быструю консолидацию государственных финансов и долговременное сбалансирование доходов и расходов бюджета, а также сокращения уровня государственных расходов, достигнутого в эру социал-либеральной коалиции. Это сокращение объективно отразилось на сфере социальной политики: сокращение дотаций на школьное и вузовское образование, дотация на детей были дифференцированные в зависимости от доходов семьи, выдача социальной помощи бедным стала более адресной, упорядочение выдачи пособия по безработице.

В условиях стабильного экономического роста правительство, несмотря на стремление санировать социальную сферу, проводило достаточно масштабную социальную политику. Например, на социальные нужды в бюджете 1982 годы было предусмотрено 525 млрд. марок, то в бюджете 1988 года уже 660 млрд. марок. В 1982 году на душу населения приходилось 8524 марки, в 1988 году 10740. Рассмотрим основные направления социальной политики правоцентристской коалиции в 1980-х гг.

Наиболее острой проблемой в социальной сфере 1980-х гг. стала безработица. В период экономического кризиса начала 1980-х гг. в 1981 году число безработных в ФРГ превысило один миллион человек и составило 1 миллион 271 тысячу человек. Затем в течение 1982 1883 гг., несмотря на то, что экономика ФРГ начала выходить из стадии рецессии, произошел резкий скачек безработицы, которая на 1983 год составила астрономическую цифру для германской экономики 2 миллиона 258 тысяч человек или 9,1% от всего трудоспособного населения [8. S. 165]. В последующие годы количество безработных не опускалось ниже отметки двух миллионов человек в год.

Позволим подвести итог экономической и социальной политики правоцентристской коалиции ссылкой на одного из ведущих отечественных специалистов по экономике Германии, руководителя Центра германских исследований Института Европы В. Б. Белова. Он выделяет следующие направления и задачи экономической и социальной политики правоцентристских кабинетов Коля в 1982 1990 гг.:

попытка восстановления рынка и переноса центра тяжести на политику хозяйственного порядка, ориентированную на стимулирование предложения (условия производства и реализации товаров);

определённые успехи в сдерживании бюджетных расходов и санации госфинансов, снижение налоговой нагрузки на предпринимателей, но принципиального перелома не произошло, модель осталась на уровне 60-х – 70-х гг.;

появление высокой, устойчивой, долговременной безработицы, которая не зависит от изменения экономической ситуации в стране и остаётся высокой и в условиях подъёма, и в условиях спада;

трудности социальных реформ – необходимость учёта социальных настроений населения (укоренение привычки к патернализму государства, снижение желания эффективно трудиться) – отсутствие политической воли к принятию непопулярных решений. Система социального обеспечения осталась прежней [9. С. 100 101].

Подводить итог становлению и развитию социальной политики ФРГ следует, на наш взгляд, исходя из ее периодизации, которая хорошо характеризует ее суть и направленность на различных этапах истории ФРГ, особенно в период 1949 1990 гг.

В современной германской историографии не существует устоявшегося консенсуса относительно основных этапов развития социальной политики в ФРГ. Ряд исследователей, например Манфред Шмидт, авторы фундаментального одиннадцатитомного исследования по истории социальной политики ФРГ, выделяют в развитии социальной политики ФРГ несколько периодов, которые прежде всего отражают основные этапы становления социального рыночного хозяйства и социального государства ФРГ. Каковы эти этапы:

1) охватывает 1949 1966 гг. и характеризуется политическим и правительственным господством блока ХДС/ХСС. В этот период формируется тип социального государства, которое направляет свои усилия в первую очередь на оценку социальных последствий войны и урегулирования трудовых отношений посредством принципа социального страхования. Шмидт называет этот период «социальным капитализмом»;

2) датируется 1966 1969 гг. временем «большой коалиции» в составе блока ХДС/ХСС и СДПГ. В этот период формируется «новый социальный порядок», который явственно обозначился в третий период;

3) время социал-либеральной коалиции СДПГ/СвДП 1969 1982 гг. До середины 1970-х гг. правительства социал-либеральной коалиции пытались проводить социальные реформы, направленные на создание самого мощного социального государства в истории ФРГ, но в 1974 1975 гг. в условиях мирового экономического кризиса и слабого промышленного роста социал-либеральная коалиция была вынуждена приостановить реформаторскую деятельность в социальной области;

4) период охватывает с 1982 по 1998 гг. и характеризуется, с одной стороны, стремлением сохранить и консолидировать социальное государство, с другой на этот период в развитии социальной политики ФРГ огромное влияние оказало объединение Германии и его политические и социальные последствия;

5) начинается с 1998 года и продолжается по настоящее время. Его основная характерная черта осознание необходимость обновление социальной политики и ее приведение в соответствие с реалиями в условиях последствий объединения Германии, слабого экономического роста и потери социальной политикой способности приспосабливаться к изменяющейся экономической и социальной действительности [5. S. 75 76].

Однако существуют и противоположные подходы. Иоханес Фрерих и Мартин Фрай в «Учебнике истории социальной политики Германии» вообще выделяют два этапа в развитии социальной политики ФРГ образца 1949 – 1990-х гг. Первый этап: от основания ФРГ до середины 1970-х гг. Второй – середина 1970-х гг. до 1990 г. [8].

Если в целом посмотреть на эволюцию германской модели социального государства во второй половине XX столетия возникает возможность выделения неких основополагающих этапов как самого социального государства, так и его социальной политики. Подобная периодизация должна строиться прежде всего на ключевых фазах развития социального государства в ФРГ в 1949 – 1990 гг. и объединенной Германии.

Нам представляется возможным выделение следующих этапов социальной политики:

1) 1949 – 1969 гг. – социальная политика в период возникновения и становления «государства всеобщего благоденствия» в ФРГ. Этот этап Шмидт точно и образно характеризует «социальным капитализмом»;

2) 1969 – 1990 гг. – социальная политика в период расцвета и кризиса социального государства в ФРГ. Здесь можно выделить два подэтапа: 1) 1969 – 1974 гг. – интенсификация и

государственный интервенционализм в сфере социальной политики: 2) 1974 – 1990 гг. – кризис социального государства и умеренная социальная политика;

3) 1990 год по настоящее время – социальная политика под воздействием объединения Германии и кризиса системы социального рыночного хозяйства.

Библиографический список

1. Григорьева И. А. Исторические предпосылки и особенности развития немецкой модели социальной политики // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России / Под общ. ред. Р. М. Нуреева. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. С. 204 216.
2. Патрушев А. И. Германские канцлеры от Бисмарка до Меркель. М., Изд-во Моск. ун-та, 2009.
3. История Германии. Т. 2. От создания Германской империи до начала XXI века. Кемерово, 2005.
4. Gesetz zur Förderung der Stabilität und des Wachstums der Wirtschaft // Bundesgesetzblatt. №32. 1967.
5. Schmidt, M. G. Sozialpolitik in Deutschland. Historische Entwicklung und internationaler Vergleich. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften, 2005.
6. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland seit 1945. Band 5: Bundesrepublik 1966 - 1974. Eine Zeit vielfältigen Aufbruchs. Baden-Baden, 2006.
7. Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland seit 1945. Band 6: Bundesrepublik 1974 - 1982. Neue Herausforderungen, wachsende Unsicherheit. Baden-Baden, 2006.
8. Frerich, J., Frey M. Handbuch der Geschichte der Sozialpolitik in Deutschland. Bd. 3. Sozialpolitik in der Bundesrepublik Deutschland bis zur Herstellung der Deutschen Einheit. München: Oldenbourg Verlag, 1993.
9. Белов В. Б. Социальное государство в Германии // Социальная Европа в XXI веке. Часть II. Европейская социальная модель: единство в многообразии / Отв. ред. М. В. Каргалова (Доклады Института Европы № 247). М. Ин-т Европы РАН : Рус. сувенир, 2009.

Сведения об авторах:

Терехов Олег Эдуардович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, e-mail: terehov1968@mail.ru

Терехова Оксана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, e-mail: oksanan1970@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

.

УДК 94(430).081

Е.В. Гончаров, Е.С. Гончарова

«Потерянные провинции». Эльзас и Лотарингия во французском общественном мнении

Аннотация: *В данной статье рассматривается образ Эльзаса и Лотарингии как потерянных территорий во французском общественном мнении, которые были аннексированы Германией в результате франко-германской войны. На основе различных источников авторы анализируют реакцию французского населения на утрату провинций. Авторы приходят к выводу, что аннексия Германией Эльзаса и большей части Лотарингии после франко-германской войны стала одной из первопричин вражды между двумя нациями после 1871 г., постоянным напоминанием о ней*
Ключевые слова: *Франко-германская война, Первая мировая война, общественное мнение, пропаганда, образ врага, стереотипы, карикатура*

E.V. Goncharov, E.S. Goncharova. The «Lost provinces». Alsace and Lorraine in french public opinion
Abstract: *This article is devoted to the image of Alsace and Lorraine as lost provinces in French public opinion, which were annexed by Germany as a result of the Franco-German war. Based on various sources, the authors analyze the reaction of the French public to the loss of the provinces. The authors conclude that Germany's annexation of Alsace and much of Lorraine after the Franco-German war was one of the root causes of enmity between the two nations after 1871, a constant reminder of it*
Keywords: *Franco-German War, World War I, public opinion, propaganda, enemy image, stereotypes, caricature*

Аннексия Германией провинции Эльзас и большей части Лотарингии после франко-прусской войны стала наиболее острым вопросом в отношениях между двумя странами за десятилетия до Первой мировой войны и одной из первопричин франко-германской вражды после 1871 г., постоянным напоминанием о ней. По замечанию Ж. Дюкорка, французского писателя-путешественника эльзасского происхождения, потеря провинций оставила «плохо заживающую рану» в коллективной французской памяти [5, p. 64].

Французы считали аннексию сильнейшим ударом по национальной гордости. В 1871 г. Эльзас-Лотарингия стала для большинства немцев символом победы и становления Германии как сильной континентальной державы. Эти две провинции оставались источником разногласий в течение почти полувека после 1871 г., и справедливое решение проблемы казалось недостижимым. За это время Эльзас и Лотарингия превратились из промежуточной зоны, связывавшей территории Франции и Германии, в барьер между противоборствующими сторонами [11, p. 26].

Французское общественное мнение культивировало идеализированное представление о судьбе потерянных провинций. Тема утраченных территорий и их идентификации с Францией была излюбленной темой в программе начальной школы, и юным французским школьникам постоянно напоминали о судьбе их восточных соотечественников [13, p. 214].

Более того, французские романисты и авторы, путешествовавшие по аннексированным территориям, популяризировали символический образ двух провинций, томящихся под «тевтонским игом» и бесконечно тоскующих о возвращении французского правления. Большинство французов в этот период считали типичного эльзасца человеком, который олицетворял основные французские качества и был предан своей «истинной» родине, хотя и говорил на немецком диалекте. Однако это не вполне соответствовало реальности. После первоначального периода непримиримой борьбы эльзасцев против аннексии, когда многие по обе стороны Вогезских гор надеялись, что Франция возьмет реванш и отвоюет территории, надежды на возвращение в состав французского государства начали угасать, а насущные проблемы повседневной жизни все больше определяли отношение эльзасцев и лотарингцев к немецкому правлению и их участию в политической системе Германской империи [15, p. 172].

Важно отметить, что, пока существовал эльзасско-лотарингский вопрос, он был преимущественно французским. Германия последовательно отказывалась признать существование малейшей неопределенности в отношении статуса аннексированной территории. По мнению большинства немцев, Франкфуртский договор 1871 г. окончательно определил будущий статус провинций. Социалист Г. Эрве отмечал, что немецкие политические партии, включая большинство немецких социалистов, достигли редкого единства в своем практически единодушном отказе признать существование эльзасско-лотарингского вопроса [9, p. 46-47].

Вместе с тем отношение к эльзасцам во французском обществе было неоднозначным. Ностальгическое описание эльзасского крестьянства, которое говорило на немецком диалекте, но при этом в душе было вполне французским, преобладало во многих произведениях, опубликованных в этот период. Несмотря на то, что миф об эльзасцах, стойко хранящих верность своей родине и упорно сопротивляющихся германизации, преобладал во французских представлениях, в реальной жизни эльзасцы во Франции сталкивались с подозрениями и дискриминацией со стороны многих, кто не доверял их немецко-звучащим именам и акценту и сомневался в их «французскости». Опасения, что невинный эльзасец, проживающий во Франции, может оказаться замаскированным прусским шпионом, имели широкое распространение. В своих воспоминаниях о пленении в Германии во время войны 1870–1871 гг., опубликованных на рубеже веков, Л. Дезире рассказывал, что пленные эльзасцы пользовались благосклонным отношением со стороны немецев, потому что некоторые из них почти наверняка служили осведомителями против своих соотечественников-французов [4, p. 81-82]. Когда в 1897 г. председатель Сената Франции и видный эльзасский эмигрант А. Шерер-Кестнер выступил за возобновление дела А. Дрейфуса, критики правого крыла, выступавшие против дрейфусаров, жестоко осудили его как «немецкого» предателя. Адвокат Дрейфуса Ж. Рейнах, также эльзасского происхождения, подвергся еще более суровой критике со стороны самопровозглашенных французских патриотов. Многие французы с гордостью отмечали большое количество эльзасцев, записавшихся в Иностранный легион, лишь немногие фиксировали предвзятость и враждебность, с которыми такие новобранцы часто сталкивались, со стороны своих же офицеров [10, p. 23].

Таким образом, миф о верных эльзасцах и лотарингцах, терпеливо страдающих под властью Германии в ожидании освобождения Францией, вплоть до 1914 г. оставался устойчивым образом во французских представлениях о потерянных провинциях.

Одним из сюжетов, часто повторявшимся в популярных французских литературных произведениях того времени, было бегство эльзасцев через границу, оживленное рассказом о немецких пограничниках, стрелявших из винтовок в момент преследования. Этот образ возник благодаря чрезвычайно популярной детской книге «Путешествие двух детей по Франции», опубликованной в 1877 г. [3, p. 18]. Произведение повествует о приключениях двух юных эльзасских братьев Андре и Жюльена Вольденов после смерти их отца во время военных действий 1870–1871 гг. Мальчики решают покинуть родной город Фальсбург и, рискуя жизнью, тайно пересекают границу, чтобы исполнить последнюю волю умирающего отца, пожелавшего, чтобы дети стали настоящими французами. Благодаря помощи многочисленных доброжелателей братьям это удается, и так начинаются их незабываемые странствия по любимой стране Франции.

Старшие поколения эльзасцев, сохранившие память о французском правлении, по общему мнению, их современников, были во Франции оплотом сопротивления «пруссачине». В сборнике поэм Т. Ботрель представляет идеализированную фигуру старика, ветерана наполеоновских войн [2, p. 101]. Воспоминания о победах Наполеона Бонапарта над Пруссией резко контрастируют с мыслями о поражениях императора Наполеона III. Это шокирует старого эльзасца, который, «ложась спать французом, проснулся пруссаком!». В конце концов, старика арестовывают и отвозят в Страсбург, где немецкие власти обвиняют его в разговорах о реванше и ношении французского триколора, а также в насмешливых высказываниях о немцах. Приговоренный к тюремному заключению, старик умирает с разбитым сердцем, став эльзасским мучеником.

Рассказы о путешествиях и описания Эльзас-Лотарингии, опубликованные во Франции в эти годы, скорее подтвердили, чем опровергли литературные стереотипы. Любимой темой многих французских авторов, писавших о своих путешествиях по Эльзасу и Лотарингии, было осквернение их городов и поселков в провинциях громоздкой немецкой архитектурой. В своих путевых заметках А. Халле отмечал, что уродливость немецких общественных зданий в Эльзасе усиливалась их колоссальными размерами [7, p. 90-91]. Закоренелый германофоб Ж. Регамей описывала неграциозную немецкую архитектуру Страсбурга, носящую отпечаток прусского сапога и «обезображенную его жестоким каблуком, который сводит весь дух, весь идеализм и весь энтузиазм к полной посредственности» [14, p. 74]. Русский социолог Я. А. Новиков, симпатизировавший французам, замечал, что, вероятно, было неразумно ставить статую Вильгельма I в Страсбурге, где она постоянно напоминала жителям об их подчинении [12, p. 154-155]. В своих работах эти авторы пришли к общему выводу: Германия, пытаясь навязать свою культуру в завоеванных провинциях, только сильнее оттолкнула от себя местное население.

Заветный образ потерянных провинций, ожидающих спасения и помощи от своих французских собратьев, нашел свое визуальное воплощение в творчестве французов. Карикатуристы часто изображали Эльзас в виде молодой женщины в характерной народной одежде, удерживаемой похитителями против её воли. Такой образ должен был вызывать множество ассоциаций. Явно нерыцарское отношение к представительнице прекрасного пола перекликалось с рассказами о зверствах, распространявшихся во время и после войны 1870–1871 гг., в которых немецкие солдаты обычно представлялись грубиянами, особенно в их обращении с женщинами. Образ пленницы также нашел отражение в памятнике, посвященном судьбе Эльзаса и Лотарингии, в самом центре Парижа. На площади Согласия, где были представлены скульптурные аллегории крупных французских городов, статуя, изображавшая Страсбург, была покрыта саваном с момента сдачи провинций – как неизменная визуальная метафора поражения Франции и потери ею территорий. Современники не упустили и намек на изнасилование.

Образ Эльзаса как пленницы, таким образом, играл на стереотипах «немецкого» кодекса поведения, который заметно контрастировал с французским (См.: рис. 1 и 2).

Рис. 1. Рисунок «Эльзас как женщина, взятая в заложницы». Émile Hinzelin. L'Alsace sous le joug qui se brise. Paris, 1914.

Рис. 2. «Эльзас как женщина, взятая в заложницы». Gaston Phelip. Voix d'Alsace et de Lorraine. Paris, 1911.

Одним из самых популярных и успешных французских карикатуристов в этот период был эльзасец Анси (псевдоним Ж.-Ж. Вальца). Любовь к Эльзасу и сожаление, которое он испытывал по поводу его отделения от Франции, пронизывают все его работы того периода. Книга Анси «История Эльзаса» – это иллюстрированный рассказ для детей об истории провинции, в котором немецкие варвары, неизменно носящие очки и проявляющие склонность к краже часов, на протяжении веков бросали жадные взгляды через Рейн на счастливую землю своих эльзасских собратьев [8]. Красочные рисунки и остроумие Анси, а также сентиментальные изображения эльзасской жизни позволили ему завоевать большую популярность во Франции.

Несмотря на сильные чувства, связанные с темой Эльзаса и Лотарингии, во французском обществе раздавались голоса, призывавшие к мирному решению франко-германских споров о статусе двух провинций. Журналист Дж. Гран-Картрэ верно заметил, что, хотя культ Эльзаса процветал во Франции, французское общество не решилось бы на реванш только ради того, чтобы вернуть потерянные провинции. Поэтому он считал мирное урегулирование неизбежным [6, p. 4].

Несмотря на все эти предложения, компромисс, устраивавший обе стороны, оказался труднодостижимым. Франция и Германия придавали провинциям слишком большое символическое значение, чтобы одна из сторон могла пойти на уступки, и в итоге вопрос был решен только путем вооруженного конфликта.

В своей работе, посвященной реакции общественного мнения во Франции на начало Первой мировой войны, Ж.-Ж. Беккер отметил, что Эльзас и Лотарингия занимали мало места в сознании большинства французских граждан в первые дни августа 1914 г. Хотя интерес к этим провинциям был центральным аспектом возрождения национального чувства среди образованной французской молодежи в предвоенные годы, этот энтузиазм не распространялся на широкие слои населения [1, p. 62].

Таким образом, аннексия Германией провинции Эльзас и большей части Лотарингии после франко-прусской войны стала одной из первопричин франко-германской вражды после 1871 г., постоянным напоминанием о ней. Французы считали аннексию сильнейшим ударом по национальной гордости. Миф о верных эльзасцах и лотарингцах, терпеливо страдающих под властью Германии в ожидании освобождения Францией, вплоть до 1914 г. оставался устойчивым образом во французских представлениях о потерянных провинциях.

Библиографический список

1. Becker J.-J. 1914: Comment les Français sont entrés dans la guerre. Paris, 1977. – 637 p.
2. Botrel T. Coups de clairon: chants et poèmes héroïques. Paris, 1903. – 125 p.
3. Bruno G. Le tour de la France par deux enfants. Paris, 1877. – 322 p.
4. Désiré L. Souvenirs d'un prisonnier de guerre en Allemagne 1870–1871. Paris, 1899. – 236 p.
5. Ducrocq G. La blessure mal fermée: notes d'un voyageur en Alsace-Lorraine. Paris, 1900. – 212 p.
6. Grand-Carteret J. Le rapprochement franco-allemand par l'amélioration du sort de l'Alsace-Lorraine. Bonn, 1911. – 87 p.
7. Hallays A. A travers l'Alsace. Paris, 1911. – 342 p.
8. Hansi. L'Histoire d'Alsace: racontée aux petits enfants d'Alsace et de France. Paris, 1913. – 104 p.
9. Hervé G. L'Alsace-Lorraine. Paris, 1913. – 175 p.
10. Hinzelin E. L'Alsace sous le joug. Paris, 1914. – 199 p.
11. Leroy M. L'Alsace-Lorraine: porte de France, porte d'Allemagne. Paris, 1914. – 306 p.
12. Novicow J. L'Alsace-Lorraine: obstacle à l'expansion allemande. Paris, 1913. – 392 p.

13. Ozouf M. L'école de la France: essais sur la Révolution, l'utopie et l'enseignement. Paris, 1984. – 424 p.
14. Régamey J. Jeune Alsace. Paris, 1909. – 176 p.
15. Silverman D. P. Reluctant Union: Alsace-Lorraine and Imperial Germany 1871–1918. Pennsylvania, 1972. – 272 p.

Сведения об авторе:

Гончаров Евгений Владимирович, старший преподаватель кафедры философии, истории и политологии Брянского государственного университета имени акад. И.Г. Петровского, e-mail: evgeniy16.goncharov@yandex.ru

Гончарова Елизавета Сергеевна, студентка 3 курса филологического факультета Брянского государственного университета имени акад. И.Г. Петровского, e-mail: mahabrayn2002@gmail.com

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.
Начало издания: декабрь 2016 г.
Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».
Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.
Знак информационной продукции 16+
Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
Сайт сетевого издания: http://www.clio-brgu.ru поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

• 07 – исторические науки и археология;
• 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. ***Статьи публикуются на некоммерческой основе***.

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

- **Контакты**

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru

Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201
Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45
Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru